

ПРЕМИЯ «СТАЛЬНОЙ КИНЖАЛ ЯНА ФЛЕММИНГА»

РОДЖЕР ХОББС

ПРИЗРАК

Люди видят только то,
что он позволяет
им видеть

ПУЛЬС БУДЕТ
ЗАШКАЛИВАТЬ

Rolling Stone

Джек Уайт

Роджер Хоббс

Призрак

Издательство «Синдбад»

2013

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

Хоббс Р.

Призрак / Р. Хоббс — Издательство «Синдбад», 2013 — (Джек Уайт)

ISBN 978-5-906837-97-4

Дерзкое ограбление казино в Атлантик-Сити. Одного из двух грабителей охранникам удастся застрелить. Второй скрывается с миллионом долларов в пластиковой упаковке. Он понятия не имеет, что деньги «заряжены» взрывчаткой и бомба сработает через 48 часов. Этого парня – вместе с деньгами – и поручено разыскать Джеку Делтону. Поручение исходит от главаря банды, организовавшего ограбление. Отказаться Джек не может – у бандитов достаточно способов заставить его быть послушным. Правда, для начала им надо его найти. Ведь его не просто так зовут Призраком.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-906837-97-4

© Хоббс Р., 2013
© Издательство «Синдбад», 2013

Содержание

Пролог	6
1	14
2	17
3	20
4	22
5	26
6	29
7	32
8	34
9	36
10	39
1	42
12	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Роджер Хоббс Призрак

Roger Hobbs

THE GHOSTMAN

Copyright © Roger Hobbs 2013

© Издание на русском языке, перевод на русский язык. Издательство «Синдбад», 2017

Пролог

Атлантик-Сити, Нью-Джерси

Гектор Морено и Джером Риббонс коротали время в машине на первом этаже паркинга отеля-казино «Атлантик-Ридженси», вдыхая через трубочку из пятидолларовой купюры пары кристаллического мета, который нагревали на мятой фольге над пламенем зажигалки. У них в запасе было тридцать минут.

Есть три проверенных способа ограбить казино. Первый – налет с улицы. Он прекрасно срабатывал в восьмидесятые, но сегодня уже не в почете. Механизм тот же, что при ограблении банка: двое в масках и с «пушками» заходят в помещение, до полусмерти пугая милашку за решеткой кассы. Пока она бьется в истерике, управляющий выкладывает из сейфа пачки денег. Грабители спокойно выходят через дверь и отъезжают на собственном авто, ведь совершенно очевидно, что перестрелка обойдется казино дороже, чем похищенная сумма.

Но времена меняются. Сегодня кассиры ушлые и тренированные. Охранники агрессивные. Как только проходит сигнал с тревожной кнопки, а он проходит всегда, вооруженные до зубов ребята тут как тут. Так что, выскакивая с добычей на улицу, надо быть готовым к тому, что вас встретит взвод лихих парней с армейскими штурмовыми AR-15, которые двухминутной форы вам уже не дадут.

Способ второй – сходить за фишками. Из отеля спуститься на лифте в игровой зал, подойти к столу с рулеткой, где играют по-крупному, достать оружие и выпустить пулю прямо в ячейку «дубль-зеро». От звука выстрела все, прежде всего крупье, бросаются врассыпную. Богачи не отличаются храбростью, а уж наемные работники – тем более. Как только все разбегутся по углам – доставай мешок и сгребай фишки. Для острастки можно пальнуть пару раз в потолок, чтобы ни у кого не оставалось сомнений в серьезности ваших намерений. Потом быстро уносите ноги, причем так быстро, как будто за вами гонится сам дьявол. На первый взгляд глупо, но преимущества налицо. Вы не связываетесь с кассой, поэтому сигнал тревоги поступает с задержкой, и вам не грозит на выходе попасть под дула винтовок, как в первом сценарии. Не исключено, что вы спокойно дойдете до парковки, откуда прямой выезд на трассу. Правда, встает вопрос, что делать с фишками. Если вы прихватили немало – скажем, на миллион или больше, – казино наверняка заменит их новыми, с другой маркировкой, и вы попросту останетесь с мешком глины или пластика – в зависимости от того, из чего изготовлены конкретно эти фишки. Хуже того, современные технологии делают этот хитроумный вариант совершенно бессмысленным. Некоторые казино теперь вставляют в фишки микрочипы – мол, так удобнее считать – и, конечно, легко отследят ворованные. Пройдет всего шесть часов, а вы вместе со своим никчемным уловом уже будете в розыске от Вегаса до Монако. Но, даже если вам повезет и не случится ни первого, ни второго, выход только один – толкнуть фишки на черном рынке. Но за полцены, а то и дешевле, потому что никто не захочет скупать себе в убыток обесценившуюся валюту. Короче, как ни крути, это путь в никуда.

И наконец, третий способ – украсть деньги во время их транспортировки. Взять штурмом бронированный автомобиль. Казино перевозят очень много наличных. Даже больше, чем банки. В кино показывают огромные хранилища с пачками аккуратно разложенных сотенных. На самом деле в каждом заведении несколько хранилищ, расположенных в разных местах. И, чтобы не держать у себя слишком много денег, казино поступает как все: избыток наличности отправляет на бронированном автомобиле в банк. Если же наличных не хватает, их везут из банка. Ежедневно бывает по две-три доставки.

Однако взять штурмом бронеавтомобиль – задача практически невыполнимая. Это же полный денег танк. Налет на банк, откуда перевозят деньги, тоже не выход, поскольку в банках

система безопасности еще круче, чем в казино. Так что если уж грабить, то только в момент погрузки или выгрузки денег инкассаторами. Тут вам будто нарочно облегчают жизнь. В большинстве казино нет специальной парковки для броневых автомобилей: мол, непрактично. Вместо этого броневик останавливается у заднего или бокового входа, каждый раз меняя дислокацию. Инкассаторы открывают фургон и проносят деньги прямо через стеклянные двери казино. Вот он, звездный час для профессионального налетчика. Два раза в день огромные суммы наличности – куда больше, чем можно снять с полдюжины банков силами пары грабителей, – в течение шестидесяти секунд переходят из рук в руки практически на глазах у всех. Всего и делов, что прорваться через пару-тройку бравых ребят с «пушками» и смыться, прежде чем нагрянут копы. Проще простого. Конечно, надо знать, когда произойдет доставка, сколько привезут денег, к какому входу подъедет броневый автомобиль, но выяснить все эти детали не так уж и трудно. Информация – это, пожалуй, самая легкая часть операции. Вовремя исчезнуть – вот что самое сложное. Если за две минуты удастся перехватить деньги и скрыться, считайте, вы в шоколаде.

Джером Риббонс посмотрел на свой золотой «Ролекс». Половина шестого утра.

До первой доставки – полчаса.

На то, чтобы спланировать ограбление казино, уходят месяцы. К счастью, Риббонс был в этом не новичок. За плечами – две отсидки в Северной Филадельфии. Не самые выигрышные пункты в резюме, даже для профессионального грабителя, зато гарантия того, что попадаться в третий раз ему не резон. Угольно-черная кожа и так уже посинела от наколотых в тюрьме Роквью татуировок, которые предательски выглядывали из-под любой одежды. За участие в вооруженном ограблении «Сити-банка» в филадельфийском пригороде он в девяностые отмотал пять лет, зато после выхода на свободу соучастие в четырех или пяти грабежах сошло ему с рук. Он был настоящий великан – шести с половиной футов роста, да и весом не подкачал. Живот складками нависал над ремнем, а лицо было круглое и гладкое, как у ребенка. Под настроение он мог отжаться четыреста раз, а уж после пары доз кокаина – и все шестьсот. В этом он был мастак, несмотря на богатый тюремный опыт.

Гектор Морено больше походил на солдата. Ростом пять с половиной футов, жилистый, с короткими, стриженными ежиком волосами и немигающим взглядом. Когда-то хорошего снайпера, его вышибли из армии с лишением всех привилегий. Вернувшись домой, он год крушил челюсти в Бостоне, а потом перебрался в Вегас, где выколачивал деньги из наркодилеров. На большое дело он шел впервые и заметно нервничал. Потому и прихватил с собой целую аптеку – для поднятия духа. Таблетки, попперсы, порошки и курительные смеси. Наркотики ему хотелось всегда. Причмокивая, он слизнул с фольги капли мета. Глаза увлажнились. Наркоту варил его приятель из Шуйлкилла в своем трейлере. Качество было так себе, но Морено на это плевал. Ему лишь требовалось сбросить напряжение перед ответственным делом, а не «заторчать» по-настоящему.

Риббонс снова посмотрел на часы. Двадцать четыре минуты.

Оба молчали. Они понимали друг друга без слов.

Морено достал из кармана пачку сигарет и закурил, сделав подряд две быстрые затяжки. Фольгу с остатками мета он передал Риббонсу.

Риббонс сначала хлебнул бурбона. Мет на бурбон – это жест.

Это был не первый опыт его знакомства с метом. Приятно, конечно, но не сравнить с тем драйвом, что переполнял его, когда он натягивал на лицо маску, брал в руки пистолет и шел на дело. Вот где настоящий кайф.

Морено докурив сигарету и сделал пару глотков из бутылочки с сиропом от кашля. Сердце забило сильнее. Кое-кто из его приятелей дорого бы дал за этот сиропчик, догадайся он о его волшебной силе. Морено один знал секрет этого эликсира – он вызывал ощущения сродни тем, что должны испытывать умирающие на пороге смерти, когда в горячечном бреду

их взорам предстает туннель, а в его конце – Всевышний. О, эти сладостные симптомы! Грудь теснит, сердце колотится как ненормальное, перед глазами встают видения... Вот что творит, попадая в кровь, декс.¹ Морено слушал радио и ждал.

Он выбросил из окна окурок и спросил:

– Присмотрел себе домик?

– Да. В викторианском стиле, голубого цвета. Местечко шикарное, прямо у воды. Вирджиния.

– А агент что говорит?

– Говорит, надо покупать, пока цены упали.

Какое-то время они молчали, слушая утренние сводки о ситуации на дорогах. Собственно, и говорить-то было не о чем. Все уже было говорено-переговорено за бесконечными чашками кофе, за изучением карт и схем перед мониторами компьютеров. Теперь оставалось только следить за сообщениями радио о ситуации на дорогах.

Операцию они планировали заранее – если допустить, что их вклад в ее подготовку имел отношение к планированию. На самом деле автор идеи сидел сейчас возле телефона за три тысячи миль к западу, в Сиэтле, и ждал решающего момента, чтобы сделать звонок. «Мозговым центром» предприятия был именно он. Большинство ограблений задумываются волками-одиночками и редко заканчиваются удачей. Например, парочка наркоманов пытается взять банк, а в результате надолго попадает за решетку. Другое дело, если операцией руководит «дирижер». О таком ограблении сообщают в вечерних новостях – правда, всего раз, а потом предпочитают на эту тему не распространяться. Тогда операция проходит без сучка без задоринки, строго по плану. План человек из Сиэтла продумал до мелочей и строго определил, кто что должен делать. Его имя Риббонс с Морено предпочитали вслух не произносить. Впрочем, как и все остальные.

Себе дорожке.

Нельзя сказать, чтобы Морено с Риббонсом действовали вслепую. Они знали, как расположены камеры видеонаблюдения. Знали расписание движения броневых автомобилей. Им были известны имена водителей, менеджеров казино, их привычки, биографии, номера телефонов, имена их подружек. Они хранили в памяти массу, казалось бы, необязательных сведений – просто потому, что это тоже было частью плана. Случайности подстерегают каждого, но одни погружаются в хаос, а другие его контролируют. Теперь все зависело от интенсивности дорожного движения.

Прошло двадцать минут. Зазвонил телефон Риббонса, два раза подряд издав отрывистое сухое чириканье. Это был ринг-тон хорошо известного им номера. Отвечать на звонок не требовалось. Оба поняли и обменялись взглядами. Риббонс переправил звонок на голосовую почту, убрал наркотики в бардачок и в третий и последний раз посмотрел на часы. Без двух шесть.

Начался двухминутный обратный отсчет.

Риббонс достал из перчаточного отделения балаклаву из тонкого хлопка, натянул на лицо и расправил ткань. Морено медленно последовал его примеру. Риббонс соединил провода под приборной доской, завел двигатель и поднял с пола бронежилет с четырьмя бронепанелями, предназначенный для защиты от выстрелов с расстояния в пятьдесят шагов. Риббонсу без него было не обойтись – ему предстояло стать главной мишенью. Живот под жилетом, конечно, не уместился. На заднем сиденье автомобиля, под пледом лежал пятизарядный охотничий семисотый «Ремингтон» с 8,5-дюймовым глушителем, – оружие Морено. Его напарнику предназначался «Калашников» со складным металлическим прикладом и тремя магазинами, по трид-

¹ Декстрометорфан – вещество для подавления кашля, составная часть сиропов и микстур, мощный психоделик.

цать патронов в каждом. Риббонс взял автомат, присоединил снаряженный магазин, щелкнул затвором и, повернувшись к Морено, спросил:

– Ну что, потанцуем? Ты готов?

– Готов, – ответил тот.

Они снова замолчали. Свет в гараже замигал, потом погас – после восхода солнца освещение уже не требовалось. Стали еще заметнее бурые пятна ржавчины, которыми, словно грязью, был облеплен «Додж-Спирит». Прямо перед ними, через узкую дорогу, находился боковой вход в казино, где должен был припарковаться броневик. Дождевые потеки на лобовом стекле складывались перед глазами Риббонса в калейдоскопическую картинку.

За девяносто секунд до предполагаемого прибытия броневика Морено вышел из машины и занял позицию за бетонным ограждением, лицом к дороге. Соленый воздух изъел бетон до стальной арматуры. Морено поднял голову и оглядел камеры наблюдения. Они смотрели в другую сторону. Время было рассчитано идеально. Служба безопасности казино, конечно, установила камеры в гараже, но подошла к этому формально. Морено выявил «слепые зоны» видеокамер и заранее протестировал их. Как выяснилось, никому нет дела до того, что творится в паркинге в шесть утра. Морено зафиксировал ружье на бетонной опоре. Сняв колпачок с оптического прицела, отвел затвор назад и дослал в патронник первый патрон.

Следом за ним из машины выбрался Риббонс. Пока камеры не повернулись, он поспешил спрятаться за соседней колонной, в другой «слепой» зоне. Он глубоко и часто задышал, готовясь к пробежке. В его массивных лапшах «Калашников» казался игрушечным. Он прижал автомат к груди. Его начало подташнивать. До боли знакомое ощущение – его он испытывал всегда. Нервишки. Конечно, он не такой слабак, как Морено, но все-таки...

Минута.

Риббонс мысленно отсчитывал секунды. Он понимал важность точного хронометража. Они получили строгий приказ не двигаться до назначенного момента. Ладони вспотели так, что перчатки стали скользкими внутри. Метко стрелять в латексных перчатках довольно трудно, но ему было запрещено снимать их до конца дня. Он замер, похожий на Будду, за колонной, миниатюрной по сравнению с ним, и сконцентрировался на дыхании – вдох-выдох, вдох-выдох. В голове тикали уходящие секунды. С бетонного козырька на него падали капли воды.

Ровно в шесть броневик проехал на зеленый сигнал светофора и свернул за угол. Оба – водитель и охранник – были в коричневой форме. Броневик – белый, с логотипом «Атлантик Арморд» по бокам – был высотой десять футов и весил около трех тонн. Он въехал в зону разгрузки казино и затормозил, остановившись прямо под вывеской «Ридженси». Риббонс ничего не слышал, кроме своего тяжелого дыхания.

С броневиками всегда много хлопот. Они и выглядят устрашающе. Дело даже не в очевидных преимуществах трехдюймовой брони, шин, усиленных сорока пятью слоями дюпоновского кевлара, и стекол из поликарбоната, способных выдержать обстрел бронебойными пулями. Все это понятно. Главная опасность броневиков таится внутри. Мало того что инкассаторы – тренированные парни с оружием, а броневик напигован камерами, которые фиксируют все происходящее. Помимо этого, в нем шестнадцать амбразур, из которых можно вести огонь. И, в довершение ко всему, сейфы оснащены магнитными пластинами. В тот момент, когда деньги снимают с пластины, включается таймер. Как только положенное время истекает, в упаковках взрываются маленькие капсулы с чернилами, которые окрашивают ценный груз и делают завладение им бессмысленным. Но для «дирижера» и его «оркестра», действующего по единому плану, все эти мелочи не представляют угрозы. Слабые места есть в любой обороне. А здесь просматривалось сразу два. Самое очевидное: ничто и никто не задерживается в броневике надолго. Надо просто дождаться, пока инкассаторы с деньгами выйдут из машины, и тогда ни от брони, ни от камер наблюдения, ни от магнитных пластин не будет никакого проку. Зато второй этап операции требует большей тщательности. И особой жестокости.

Потому что предстоит убить охрану и завладеть наличностью.

Их было двое, водитель и инкассатор, оба сидели в кабине. Они уже пару лет проработали в одной связке. Во всяком случае, судя по добытой информации. У одного семья, второй холост. Броневи́к остановился, и они выпрыгнули из кабины. Тотчас из дверей казино к ним вышел мужчина в дешевом черном костюме. Плешивый, с беджиком в петличке. Заведующий хранилищем. Этому было за сорок, и – ни единого пятнышка на биографии. За всю жизнь – ни одного штрафа, даже за неправильную парковку. Он достал из кармана ключ и вручил его инкассатору. Заходить в броневи́к ему, разумеется, было запрещено. И за десять лет карьеры он ни разу не нарушил этого правила. Инкассаторы сами доставали упаковки с деньгами, а он сопровождал их в хранилище.

Держа руки в карманах, он ждал на тротуаре.

Тридцать секунд.

Водитель снял с пояса еще один ключ и передал его инкассатору; тот отомкнул замок на задней дверце броневи́ка и забрался внутрь. В боковую стенку автомобиля был встроен сейф с электронным блоком, защищенный дополнительным слоем пуленепробиваемой керамической брони. Инкассатор открывал один из двух замков сейфа; второй замок открывал заведующий хранилищем, имевший свой ключ. Никто и никогда не осмеливался грабить броневи́ки «Атлантик Ар-морд». Эта инкассаторская служба была самой надежной – спасибо банкирам-перестраховщикам и щедрости казино, на бюджет которого можно было купить целый парк бронетехники. В этом городе на безопасности не экономили. Тем более что сегодняшней груз представлял собой двенадцать кило сто долларовых купюр – новеньких, с металлической защитной полосой, в вакуумной упаковке. «Корешки» по сто листов обандеролены горчичного цвета бумажной лентой. В двенадцатикилограммовой упаковке, сжатой до размера большого чемодана, было сто двадцать два корешка – или миллион двести двадцать тысяч долларов. Инкассатор достал деньги из сейфа, переложил в голубой мешок из кевлара, и поставил его на маленькую тележку, которую снял с крючка на стене. Достал из кармана солнцезащитные очки, надел их и принялся выталкивать тележку на тротуар. Она была тяжелой и неуклюжей, так что приходилось маневрировать.

Десять секунд.

Как только инкассатор выбрался из грузовика, водитель со скучающим видом, но в полном соответствии с инструкцией вынул из кобуры пистолет «Глок-19» и держал его в руке на уровне бедра. Это был его первый на сегодня рейс, а всего предстояло объехать еще с десятков казино. Он крепче сжал пистолет и убрал палец с курка. Его напарник закрыл заднюю дверь броневи́ка и вернул ключ заведующему хранилищем. Водитель бегло осмотрел зону парковки, потом отвернулся, сделал два шага к двери казино и подал знак, что можно нести деньги.

Пора. Риббонс подал сигнал.

Ружье мягко дернулось в руках Морено. Выстрел не был бесшумным, но прозвучал глухо, как удар пневматического молотка. Пуля пробила водителю голову чуть ниже линии волос и вышла через нос. Мозги и кровь брызнули на асфальт. Морено не стал дожидаться, пока тело рухнет на землю. Точно зная, куда с такого расстояния попадет пуля, он передернул затвор и переключился на следующую цель. Его движения были отточены до совершенства, как будто он всю жизнь только этим и занимался. Заведующий хранилищем был ближе, поэтому следующим стал он. Пуля ударила ему в грудную клетку и пробила сердце.

В это время третья мишень пришла в движение. Инкассатор бросился к броневи́ку. На тротуаре он оступился и упал на мостовую, но успел выхватить из кобуры пистолет. Морено, державший его на мушке, прицелился и нажал спусковой крючок. Мимо. Инкассатор дернулся в поисках укрытия. Морено рукой дал знак Риббонсу. С этой точки стрелять было уже бесполезно.

Риббонс вышел из своего укрытия и вскинул автомат. Калашников застрочил очередями. Выстрелы разорвали утреннюю тишину. Стекло двери казино осыпалось под шквальным огнем. В конце концов сработал закон больших чисел: одна из пуль достигла цели и пробила инкассатору позвоночник чуть ниже сердца. Тот скорчился от боли и распластался на тротуаре. Из казино послышались истошные крики.

Риббонс перепрыгнул бетонное ограждение и побежал к броневикам, на ходу выбросив пустой магазин и вставив новый. Машин на улице не было. Слишком рано. Автомат он держал на весу – на тот случай, если кто-нибудь выскочит из казино и попытается перехватить деньги. Не спуская глаз с дверей, он присел на корточки и свободной рукой принялся отстегивать от тележки мешок, прикрепленный широкими нейлоновыми ремнями с простенькими пряжками. Риббонс не учел одного: орудовать одной рукой, да еще в латексной перчатке, да еще после четверти грамма мета, да еще в июльскую жару окажется не так уж легко. Рука тряслась.

Морено сквозь прицел оглядывал пустынную улицу. *Давай же, давай, шевелись!*

И тут включилась тревожная сирена.

Ее оглушительный вой сопровождался вспышками огней, словно предупреждал о пожаре или землетрясении. Риббонс поморщился и выпустил в сторону двери автоматную очередь – вдруг кому-то захочется выскочить наружу. Рука от отдачи непроизвольно взметнулась вверх, и часть пуль пришлась на окна отеля, заодно смахнув букву *P* с неоновой вывески «Ридженси». На мостовую градом сыпались стреляные гильзы. Он вскрикнул – от ricochet пуля чуть не пробила ему руку. Опустив «калашников», он раздраженно пнул мешок с деньгами, опрокидывая тележку. К черту. Прицелился в последнюю застежку ремня и отстрелил ее.

Захрипел раненый инкассатор. Он лежал на спине и взглядом следил за Риббонсом. Кровавая пена изо рта стекала на асфальт и собиралась в лужицу вокруг его головы. Риббонс подхватил мешок за оборванную лямку и перекинул через плечо. Проходя мимо умирающего инкассатора, посмотрел на него, опустил автомат и дал короткую очередь в голову.

Вдалеке уже слышались сирены полицейских машин. Судя по звукам, от казино их отделяло кварталов восемь. У них есть ровно тридцать секунд. Риббонс со всех ног помчался обратно к гаражу. Несмотря на проглоченные барбитураты, его трясло. Взгляд был дикий, как у загнанного зверя. На улице по-прежнему ни одной машины. Путь свободен.

Морено сигналил ему поднятой ладонью. *Быстрее, толстяк!*

Риббонс на бегу крикнул:

– Они с севера! Открой машину, черт, погнали!

Оставалось меньше двадцати метров. Теперь уже плевать на камеры. Секьюрити все равно не опознают их в камуфляже. Риббонс перепрыгнул через отбойник, и Морено, уже сидевший за рулем, распахнул ему пассажирскую дверь. На все про все не ушло и полминуты. Двадцать шесть секунд, если верить «Ролексу» Риббонса. Все просто: пришли, взяли деньги и ушли. Морено сидел с приклеенной к лицу идиотской улыбкой. Решил, что все позади. Но ни одно ограбление не проходит идеально. Всегда есть проблема.

Как, например, мужик в машине на другом конце парковки, наблюдавший за ними сквозь прицел винтовки.

Все, что произошло дальше, показалось Риббонсу каким-то наваждением. Не успел он прыгнуть в машину, как грохнул выстрел, наповал сразивший Морено. Глаза Риббонса заволокла розовая пелена. В лицо ему, как шрапнель от взорвавшейся гранаты, полетели осметки мозгового вещества и осколки черепа. Думать было некогда. Он вскинул автомат и выпустил слепую очередь в сторону стрелявшего. У одного из припаркованных автомобилей зажглись фары. Риббонс хотел выстрелить, но у него кончились патроны. Он выскочил из «доджа», смел рожок, но не успел поднять автомат, как лобовое стекло пробила пуля. Риббонс снова ответил автоматной очередью. Пригнувшись, он попытался обойти машину, на ходу отстреливаясь короткими очередями. Пуля ударила его в плечо и отскочила от керамической пластины. Его

качнуло, но боли он не почувствовал, быстро пришел в себя и продолжил палить. Следующая пуля попала в грудную клетку, над животом, и его затопило ощущение жгучей боли. От отчаяния и злости Риббонс закричал. Обоймы у него кончились.

Он выругался и бросил на землю пустой автомат. Достал из заднего кармана «Колт-1911» и принялся стрелять по невидимой цели. Нелепая маска сползла, закрыв ему один глаз. Он отступал, прикрывая свой отход быстрыми двойными выстрелами. Винтовочная пуля ударилась в стойку у него за спиной, взметнув облако бетонной пыли и штукатурки. Свободной рукой Риббонс стащил с водительского сиденья тело Морено. К приборной доске прилипли ошметки мозгов. Следующий выстрел пришелся в багажник «доджа». Риббонс слышал, как хрустнуло шасси. Но машина была на ходу. Риббонс включил заднюю передачу. Он даже не потрудился закрыть дверь, и она болталась, пока не захлопнулась сама. Он перегнулся через сиденье и выстрелил в заднее стекло. И тут у него прямо над головой взорвалось зеркало заднего вида. *Уезжай, идиот!*

Риббонс резко сдавал назад, круша припаркованные автомобили. Сползшая на глаза маска затрудняла обзор, но он включил переднюю передачу и по пандусу рванул к выезду с паркинга. Будка охранника в такую рань пустовала, и это оказалось очень кстати, поскольку Риббонс не видел, куда едет. Подбитый «додж» снес шлагбаум, зацепил будку и, виляя задом, вырвался на Пасифик-авеню. Автомобиль пролетел на красный свет и, потеряв управление, выскочил на полосу встречного движения по направлению к Парк-плейс. Риббонс пригнулся и вдавил в пол педаль газа. Он несся вперед на предельной скорости. Вой полицейских сирен раздавался уже в паре кварталов – слишком близко, чтобы отмахнуться от опасности. Риббонс стянул с лица маску, и на приборную панель упало несколько капель пота. Он обернулся. Погони пока не видно. Он несся по широким бульварам Атлантик-Сити, не убирая ноги с педали газа. Морено, прокладывая маршрут отхода, просчитал время движения с точностью до секунды. И весь этот стройный план теперь летел к черту.

Риббонс вывернул руль, промчался через автостоянку и свернул в переулок.

И десяти минут не пройдет, как марка и модель его автомобиля будут известны всем патрулям и постовым в радиусе пятидесяти миль. Он должен спрятать машину и деньги, пока его не накрыла полиция. Но для начала надо *оторваться*. Уже свернув на бульвар Мартина Лютера Кинга, он почувствовал, что под бронежилетом сочится кровь. Он ощупал рану. Жилет замедлил движение пули и деформировал ее, но она все же пробила двадцать семь слоев кевлара. Особой боли он не чувствовал – спасибо амфетамину и шприцу с героином, о которых позаботился Морено. Но кровотечение усиливалось. Если он хочет жить, надо поскорее промыть и перевязать рану. С лечением можно подождать. Придется подождать.

Снова зазвонил телефон. Тот же рингтон. Звонивший терпеть не мог опозданий, презирал непрофессионализм и не прощал провалов. Его репутация внушала страх даже федеральным агентам, а убийц и насильников превращала в послушных школьников. Составляя безупречно четкие планы операций, он требовал такой же четкости от исполнителей. Неудачный исход попросту не обсуждался. Еще никто из известных Риббонсу людей не подводил этого человека. Даже если такие и были, никто из них уже не сможет рассказать о том, как ему не повезло.

Риббонс покосился на лежавший рядом с сиденьем телефон и нажал кнопку, сбрасывая звонок.

Он пытался сосредоточиться на маршруте отхода, но мешали мысли о маленьком домике у воды. В голове стоял туман, и ему чудилось, что он, словно наяву, вдыхает запах старого викторианского дома и трогает пальцами облупившуюся краску на стенах. Его первый собственный дом. Эта картинка помогала терпеть боль, которую причиняла застрявшая в груди пуля. Он справится. Должен справиться. Обязательно.

Шесть ноль две утра, будь оно неладно.

Шесть ноль две, а полиция уже всю прочесывает улицы. Шесть ноль две, а про ограбление уже известно каждому патрульному и федералу. Четыре трупа. Похищено больше миллиона долларов. Около сотни гильз на мостовой. Так и вижу эти газетные заголовки.

С шести утра прошло всего две минуты, а полиция уже подняла на ноги лучших сыщиков. Через два часа разбудят и меня.

1

Сиэтл, штат Вашингтон

Пронзительный писк сигнала входящего мейла отозвался в моей голове звоном колокола. Я проснулся и дотянулся до пистолета под подушкой. Пока глаза привыкали к свету от экранов системы видеонаблюдения, я пытался восстановить дыхание. Мой взгляд переместился к подоконнику, на котором я оставил часы. За окном было черным-черно.

Я достал пистолет из-под подушки и переложил его на тумбочку. Дыши ровнее.

Когда сердцебиение чуть улеглось, я взгляделся в мониторы. В коридоре и возле лифта никого. На лестницах и в холле тоже. Ночной консьерж бодрствовал, но был слишком увлечен книгой, чтобы замечать, что происходит вокруг. Я живу на восьмом этаже старого десятиэтажного дома, в котором обычно пустует половина квартир. Но в этот ранний час все соседи – те, кто не уехал из города на лето, – еще спали.

Компьютер снова издал писк.

Я занимаюсь вооруженными грабежами уже двадцать лет. Паранойя – неотъемлемый атрибут моего ремесла, как и стопки фальшивых паспортов и столдолларовых купюр под нижним ящиком комода. Начал я подростком. Взял несколько банков – так, удовольствия ради: люблю опасность. Не думаю, что я самый удачливый из налетчиков и уж точно не самый умный, но меня еще ни разу не поймали. Меня никогда не таскали в полицию, с меня не снимали отпечатки пальцев. Я стараюсь хорошо делать свое дело. Мне удалось уцелеть, потому что я очень осторожен. Очень – я живу один, сплю один, ем один. Я не доверяю никому.

Обо мне знает всего человек тридцать. Большинство из них убеждены, что я уже умер. Я веду чрезвычайно скрытный образ жизни – а как иначе? У меня нет телефона, я не получаю писем. У меня нет банковского счета и долгов нет. Я расплачиваюсь наличными, в крайнем случае – корпоративными картами «Виза» офшорных компаний. Связаться со мной можно только по электронной почте, и откликаюсь я далеко не на каждое письмо. Переезжая в другой город, я обязательно меняю электронный адрес. Если мне вдруг приходят письма от незнакомых людей или просто подозрительно бессмысленные сообщения, я вынимаю из компьютера жесткий диск, размагничиваю его в микроволновке, пакую рюкзак. И начинаю все сначала.

Компьютер снова подал сигнал.

Я взял с тумбочки ноутбук: в почтовом ящике оказалось одно новое письмо. Все адресованные мне послания, прежде чем попасть в мой ящик, проходят через несколько анонимайзеров.

Пакеты данных идут через промежуточные серверы в Исландии, Норвегии, Швеции и Таиланде, где разбиваются на мелкие порции и расходятся по всему миру. Вычислить реальный IP-адрес нереально. Сегодняшняя почта пришла две минуты назад на мой первый офшорный адрес в Рейкьявике, где сервер зашифровал ее моим личным 128-битным ключом. Оттуда ее переправили на следующий адрес, зарегистрированный под другим именем. Потом еще один адрес и еще один. Осло, Стокгольм, Бангкок, Каракас, Сан-Паулу. Сообщение последовательно передавали по десяткам адресов, оставляя в каждом почтовом ящике по копии. Кейптаун, Лондон, Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Токио. Письмо – безликое и анонимное – стало неуловимым и конфиденциальным. Прежде чем добраться до меня, информация пару раз обогнула земной шар. Она хранилась во множестве почтовых ящиков, но открыть я мог только один из них. Я ввел свой пароль и стал ждать расшифровки послания. Было слышно, как зашуршал жесткий диск, и центральный процессор приступил к работе. Пять утра.

Небо за окном было пустым, только на крышах небоскребов мерцали огоньки, похожие на туманные созвездия. Я никогда не любил июль. Там, откуда я родом, все лето стоит невы-

носимая жара. Прошлой ночью на несколько секунд вырубилась система безопасности, и мне пришлось потратить два часа на их проверку. Я открыл окно и поставил возле него вентилятор. Потянуло запахами портовых доков: складами, мусором и морской водой. За железнодорожными путями гигантским масляным пятном растекался залив. Темноту прорезали редкие всполохи света – фонари рыбацких лодок и покидающих гавань утренних паромов. Со стороны острова Бейнбридж наплзал, растекаясь по городу, туман. Дождь давно перестал, и на железнодорожных путях, уходящих на восток, появилась тень приближающегося товарного состава. Я взял с подоконника часы и нацепил на руку. Я ношу «Патек Филипп». Выглядят скромно и время показывают точно. И будут продолжать показывать, даже когда все ныне живущие умрут и их похоронят, поезда перестанут ходить, а бухту поглотит океан.

Программа сигнализировала об окончании расшифровки.

Я кликнул на сообщение.

Адрес отправителя был скрыт, но от кого письмо я понял сразу. Из тех тридцати человек, что знают, как со мной связаться, лишь двоим известно имя, проставленное в теме сообщения. Один из этой пары, по моим сведениям, точно жив.

Письмо было адресовано Джеку Делтону.

На самом деле меня зовут вовсе не Джек – равно как не Джон, не Джордж, не Роберт, не Майкл и не Стивен. Мое настоящее имя не значится ни в водительских правах, ни в паспортах, ни в кредитных картах. Оно фигурирует в дипломе колледжа и в школьном аттестате – и то и другое надежно спрятано в сейфе. Джек Делтон – это псевдоним человека, давно отошедшего от дел. В последний раз я использовал его пять лет назад и полагал, что с тех пор оно прочно забыто. И вот сейчас два коротких слова высветились на экране вместе с маленьким желтым тегом, указывающим на срочность сообщения.

Я кликнул на значок.

Письмо было коротким. *Срочно позвони.*

И номер телефона с местным кодом.

Я уставился на экран. Как правило, в подобных случаях мне и в голову не приходит хвататься за телефон. Код региона был такой же, как у меня. Я поразмыслил и решил, что возможны два варианта: либо отправителю несказанно повезло, либо ему известно, где я нахожусь. Зная, кто отправитель, я склонялся ко второму варианту. Разумеется, существовали и другие способы связи со мной, и проще, и дешевле. Малейший риск быть обнаруженным заставляет меня незамедлительно пуститься в бег. У меня твердое правило: никогда не звонить по неизвестным номерам. Телефоны вообще – опасная штука. Если шифрованное письмо, отправленное через сеть анонимных серверов, отследить практически невозможно, звонок с сотового выдает абонента с головой. Эта задача по силам даже обычной полиции, хотя копы не занимаются такими ребятами, как я. Меня можно назвать ВИП-клиентом. Мною интересуются исключительно ФБР, Интерпол, разведка. Для этого у них целый штат сотрудников.

Я долго вглядывался в мигающее на экране имя. *Джсек.*

Если бы письмо пришло от кого-то другого, я бы просто стер его. Закрыв бы аккаунт и удалил всю переписку. Если бы письмо пришло от кого-то другого, я бы уже сжег компьютер, собрал рюкзак и купил билет на ближайший рейс в Россию. Меня не было бы здесь уже через двадцать минут.

Но письмо было не от кого-нибудь.

Только два человека во всем мире знали это имя.

Я встал и подошел к комоду возле окна. Выдвинул ящик и отодвинул в сторону пачки денег и испещренный записями желтый блокнот. Когда я не на работе, то перевозжу классику. Достал из ящика белую рубашку и кожаную наплечную кобуру, из шкафа – серый костюм-двойку. Взял из коробки маленький хромированный револьвер, зарядил патронами 38-го

калибра с экспансивными пулями. Одетый и экипированный, достал старый сотовый телефон с оплаченным международным роумингом, включил его и набрал номер.

Телефон не успел даже пикнуть, связь с абонентом установилась сразу.

– Это я.

– Тебя непросто найти, Джек.

– Чего ты хочешь?

– Чтоб ты пришел ко мне, – сказал Маркус. – Вопросы потом – за тобой должок.

2

Из закуской «Пять звезд» несло табачным дымом и лосьоном после бритья. Она вклинилась, словно мусорный бак, между рестораном и лавкой, торгующей порнушкой, в питейной части Беллтауна, всего в квартале от Космической Иглы² и в шаге от Саут-Лейк. У фонарного столба было припарковано несколько мотоциклов. Внутри тускло светили неоновые лампы. В музыкальном автомате поблескивали плотные ряды компакт-дисков. Входная дверь – нараспашку. Несмотря на ранний час, дышать от жары было уже нечем.

Таксист развернулся и остановился перед входом. Если сравнивать места, где мне приходилось работать, от Вегаса до Сан-Паулу, то должен заметить, что в Сиэтле мало районов с дурной репутацией, слишком уж он чистенький и благопристойный. Беллтаун – как раз одно из редких в городе злых мест. Переулок, куда меня занесло, больше напоминал пристанище для бездомных: повсюду кучи тряпья, пустые бутылки, вонь разлитого пива и моторного масла. Я расплатился. Таксист не стал ждать следующего пассажира. Он рванул с места, едва я ступил на тротуар.

В забегаловку я вошел через кухню. Народу – то есть ненужных свидетелей – в «Пяти звездах» всегда было предостаточно, стало быть, назначая мне здесь свидание, Маркус определенно давал понять, что убивать меня не собирается. Если бы хотел меня убить, не отправлял бы электронного письма. Нашел бы меня, накрыл подушкой башку и всадил в нее пулю. Он был мастером этого жанра в старые добрые времена. Но убивать здесь? С тем же успехом можно устроить разборку на тротуаре перед полицейским участком. Я немного успокоился.

Маркус был из тех, кто никогда не гадит в собственном доме.

Я знал, что у него есть веские причины для встречи со мной. Ограбление, которое мы планировали вместе, провалилось и погребло под собой репутацию Маркуса. Из международного авторитета он превратился в заурядного наркобарона. Когда-то он отбирал для своих масштабных операций лучших из лучших. Теперь ему приходилось иметь дело со всякой швалью. Я бы не удивился, если бы после того неудачного ограбления он не пожелал меня видеть. Пристрелить меня было проще, чем посылать электронное письмо. Но в глубине души я его понимал. Ведь я был перед ним в долгу.

У черного входа меня ждал охранник. Верзила в джинсе внимательно вгляделся в мое обновленное лицо и кивнул мне, как старому знакомому, хотя я был уверен: он меня не узнал. Я так часто меняю внешность, что уже и сам забыл, какой я настоящий. В последнем воплощении я был шатеном со светло-кариими глазами и бледной от сидячего образа жизни кожей. И без пластической хирургии можно добиться многого. Контактные линзы, плюс-минус десяток килограммов, крашенные волосы куда эффективнее – и существенно дешевле – скальпеля, но и это еще не все. Если научишься менять голос и походку, в считанные секунды станешь другим человеком. Единственное, чего нельзя изменить, – это запах. Его можно приглушить виски и дорогими духами и кремами, но избавиться от него нельзя. Этому меня научил мой наставник. Я знаю, что всегда буду пахнуть черным перцем и кориандром.

Я прошел мимо шеф-повара, который дымил сигаретой без фильтра, стряхивая пепел в консервную банку. Мексиканец у плиты взглянул в мою сторону и тут же отвернулся. В кухне пахло беконом, колбасой чоризо, подгорелой яичницей и прогорклым маслом. Толкнув дверь, я вышел в заднюю часть обеденного зала. Маркус ждал меня в восьмой кабинке под неоновой рекламой пива «Бад лайт». Перед ним стояла нетронутая тарелка яичницы с ветчиной, у локтя – чашка кофе.

Он молчал, пока я не подошел ближе.

² Космическая Игла – смотровая башня, символ Сиэтла.

– Джек, – произнес он.

– Я думал, мы уже никогда не увидимся.

Долговязый Маркус Хейс больше всего походил на президента какой-нибудь компьютерной компании. Худой как жердь и какой-то неуклюжий. Успешные криминальные авторитеты выглядят иначе. Сегодня он был в темно-синей оксфордской рубашке и трифокальных очках с очень толстыми линзами. Зрение у него ухудшилось после шестилетнего отдыха в исправительно-трудовом лагере Снейк-Ривер в Орегоне. Его глаза, блекло-голубые, вокруг зрачков казались и вовсе бесцветными. Всего на десять лет старше меня, он производил впечатление старика. Ладони рук у него были жесткими и заскорузлыми. Обманчивая внешность – для кого угодно, только не для меня.

Это был самый жестокий человек из всех, кого я знал.

Я проскользнул в кабинку и заглянул под стол. Чисто. В меня еще никогда не стреляли из-под стола, но сделать это несложно, особенно такому ловкачу, как Маркус. Достаточно небольшого пистолета с глушителем, заряженного инфразвуковыми пулями. Одна в живот, вторая в сердце. Кто-нибудь из поваров отрубит мне руки и голову, сложит в мусорный мешок и утопит в заливе. Всего-то и делов.

Маркус раздраженно хрустнул пальцами.

– Обижаешь, Джек, – сказал он. – Я позвал тебя не для того, чтобы убить.

– Я просто подумал, что я для тебя умер. И ты больше никогда не захочешь иметь со мной дело.

– Ну, значит, ты ошибался.

– Я уже понял.

Маркус ничего не сказал. Да ему и не надо было ничего говорить. Я посмотрел ему в глаза. Он протянул руку, раскрыл ладонь и покачал головой, словно был разочарован.

– Патроны, – сказал он.

– Откуда мне было знать, что у тебя на уме?

– Патроны, – повторил Маркус.

Я нехотя подчинился. Двумя пальцами достал револьвер из кобуры и освободил барабан, высыпав на стол пригоршню патронов. Они с серебряным стуком покатались по столешнице и замерли на середине.

Я спрятал револьвер в кобуру.

– Так зачем я тебе понадобился? – спросил я.

– Ты знал Гектора Морено?

Я медленно кивнул. Уклончивость не помешает.

– Он мертв, – сказал Маркус.

Я не стал изображать удивление. На самом деле для меня это не было новостью. Впервые увидев Морено, я сразу понял, что надолго он на этом свете не задержится. Это случилось пару лет назад, в Дубае. Я сидел в баре перед отъездом домой и потягивал апельсиновый сок. Шикарное заведение, сплошь солидная публика. Морено подошел ко мне сзади, весь такой шикарный, одет с иголочки – в полосатом костюме от Армани. Он усиленно пыхтел электронной сигаретой, делая по две затяжки подряд. Потом заговорил, пересыпая речь незнакомыми мне словами. Арабскими? Персидскими? Мы спустились на парковку, и он закурил косяк. От него разило крэком. Боец из него был, как из меня – Санта-Клаус.

– А при чем тут я? – спросил я Маркуса.

– Насколько хорошо ты его знал?

– Более или менее хорошо.

– Насколько хорошо?

– Настолько же хорошо, как знаю тебя, Маркус. Я так понимаю, ты пригласил меня сюда слушать, а не трепаться о каком-то наркомане, с которым я встречался по работе.

– Дело не в этом, Джек, – сказал Маркус. – Сегодня утром Морено получил пулю, и он заслуживает нашего уважения. Он до самого конца был одним из нас.

– Лучше я сам получу пулю, чем стану оплакивать костолома вроде Морено.

Мы замолчали, и я вгляделся в лицо Маркуса. У него был усталый взгляд. От кофе в его чашке остались коричневые полосы. Чашка давно не дымилась. На столе – ни пустых упаковок от порционных сливок, ни оберток от сахара. В чашке – лишь коричневые потеки и черный осадок. Этот кофе варили часа три назад. Мало кто заказывает кофе в три часа ночи.

– Так в чем дело? – спросил я.

Маркус полез в карман, достал перехваченную резинкой пухлую пачку двадцатидолларовых купюр и положил ее на стол.

– Сегодня утром, – сказал он, – моя операция с участием Морено закончилась очень плохо. Гора трупов. Груз исчез. И федералы стоят на ушах.

– Чего ты хочешь от меня?

– Я хочу, чтобы ты сделал то, что у тебя так хорошо получается, – сказал он. – Спрятал концы в воду.

3

Глядя на пачку в пять тысяч долларов, ни за что не скажешь, что перед тобой пять тысяч долларов. Даже если пересчитаешь их дважды, как это наверняка сделал Маркус. Пять штук – это стопка зеленых бумажек шириной два с половиной, длиной шесть и высотой восемь дюймов. В стопке может оказаться и две тысячи, и все двадцать. Мозг просто не успевает сообразить, сколько там денег. Много – это да, но вот как много?

Маркус подвинул пачку ко мне, потеснив на столе патроны.

Я посмотрел на нее.

– Маркус, при всем к тебе уважении, меньше чем за двести тысяч я и пальцем не шевельну.

– Это не предложение, Джек. Это тебе на текущие расходы. Ты исполнишь для меня эту работу, потому что за тобой должок. Ты уже пять лет мой должник.

Что я мог ему возразить? Впрочем, не уверен, что мне хотелось возражать.

Маркус ввел меня в курс дела. Рассказал, что происходило за полчаса до налета, а затем начал излагать подробности операции, как будто, комментируя удар за ударом, вел репортаж с боксерского поединка. Фразы он произносил отрывисто, словно зачитывал телеграфные сообщения или наговаривал текст на автоответчик. В сущности, он просто выдавал набор фактов, выплевывая их короткими очередями, почти без передышки.

– Вряд ли ты в курсе. Здесь еще рано. Зато на востоке это уже во всех новостях. Четверо убитых, включая Морено. Они должны были взять крупную сумму наличными, которую везли в казино. Плевое дело. Работы на тридцать секунд. Я не сомневался, что даже такие идиоты, как Морено с напарником, справятся на счет раз. Проскочить мимо пары-тройки камер наблюдения, нагнать страху на инкассаторов, схватить деньги и дать деру. Больше от них ничего не требовалось. Потом спрятаться в надежном месте, позвонить мне и ждать дальнейших инструкций. Я рассчитал все до мелочей. Осечки быть не могло.

– Но Морено схлопотал пулю, – заметил я.

– А я так и не дождался звонка.

– Зачем ты вообще связался с Морено? Насколько мне известно, его напарник был не намного лучше.

– Расходный материал.

Я ненадолго задумался.

– О какой сумме шла речь?

– Миллион с хвостиком. В столотолларовых купюрах. Столько, сколько обычно заказывает казино. Первые выходные июля, первая утренняя доставка. Миллион двести – миллион триста. Примерно столько нала им нужно после ночной игры.

– Откуда ты знаешь, что Морено убит?

Маркус кивнул на работающий в углу телевизор:

– Один из грабителей застрелен. Белый. Напарник Морено – чернокожий. Ты когда-нибудь видел, чтобы по телевизору показывали твоих людей, заснятых камерой видеонаблюдения?

– Не приведи господи.

– А я вот любовался сразу на двоих.

– Когда все это случилось?

Маркус перевел взгляд на часы. Как и я, он носил «Патек Филипп».

– Почти четыре часа назад.

Я накрыл рукой пачку денег:

– Хочешь совета? Жди. Четыре часа – это не срок. На последнем деле в Вегасе я через четыре часа не то что звонить не мог, я еще и в себя толком не пришел. Был в полном ауте. Да еще эта жара. Я понятия не имел, кого замочили, а кого замели. Я даже не знал, у кого фишки. То есть вообще ничего не соображал. Только и думал, как бы живым добраться до берлоги. Залечь на дно и ждать, пока эти уроды во главе с окружным прокурором не угомонятся. И я бы на твоём месте не больното верил тому, что говорят по ящику. Морено мог и выжить. Вдруг его прооперировали и отправили в камеру? Раньше полудня мы даже этого не узнаем. Прежде чем что-то предпринимать, надо подождать, пока не уляжется шумиха. Лучше всего до завтрашнего дня вообще не дергаться. Понимаю, ты боишься, что этот черный...

– Риббонс. Джером Риббонс.

– Ты боишься, что Риббонс попытается тебя нагреть. Но тут уж ничего не поделаешь. Придется посмотреть, как будут развиваться события. Если начнешь суетиться, он решит, что ты открыл на него охоту, и тогда вообще сгинет.

– Да не могу я ждать, – сказал Маркус. – Товар, который увели Риббонс с Морено... Он горячий. У меня в запасе всего сорок восемь часов.

– Что-то не так с этими деньгами?

– Вот именно. Миллион с лишним налом. Банкноты подлинные, не помеченные, запечатанные. Прямоком из хранилища Федеральной резервной системы. Отгружены из Вашингтона и направлены в филадельфийское отделение ФРС для распределения по казино Южного Джерси. Это *банкноты*, Джек.

– И в чем проблема?

Маркус кивнул на пачку денег в моих руках:

– Они с федеральной начинкой.

4

Федеральная начинка.

Два слова, от которых кому угодно станет не по себе.

И я здесь не исключение. Правда, до сих пор лично мне иметь дело с федеральной начинкой не приходилось. Если бы меня спросили, я бы сказал, что вся эта история – злая и до абсурда нелепая насмешка над банковской безопасностью. Она напрямую связана с системой транспортировки наличности из Федерального резерва. Бюро по выпуску денежных знаков и ценных бумаг в Вашингтоне печатает банкноты. Очередная партия денежных купюр поступает в автомат, который раскладывает их в корешки по сто листов, а корешки – в пачки по тысяче листов в каждой. Затем деньги вакуумным способом упаковывают в целлофан, что облегчает процесс транспортировки. Станок ежедневно печатает по полмиллиарда долларов весом около пятисот тонн. Целлофановая упаковка этой огромной груды бумаги обходится не в один миллион долларов. Зато вакуумная упаковка сокращает объем каждой пачки на четверть, что снижает стоимость транспортировки. Как только банкноты упакованы, их укладывают в грузовики и везут в Казначейство, где пропускают через сканер, считывающий серийные номера. Затем деньги грузовиками переправляют в один из одиннадцати уполномоченных банков Федерального резерва. Там их снова сканируют и развозят по более мелким банкам, раскиданным по всему миру. Банки-получатели сканируют деньги в третий раз, затем вскрывают целлофан и пускают наличность в оборот. Эта операция не имеет ничего общего с инфляцией. ФРС просто заменяет ветхие купюры новыми, так что количество денежной массы в обороте остается практически неизменным – плюс-минус доли процента в год. Мелкие банки собирают пришедшие в негодность банкноты и передают их в более крупные банки, откуда они поступают в Казначейство, где уничтожаются. Вот такой вот цикл.

Для ребят вроде меня шестидесятитонная упаковка новеньких стодолларовых купюр – красивая, но несбыточная мечта. Она *слишком* хороша, чтобы претвориться в реальность. Попыток ограбить грузовик ФРС, не говоря уже о том, чтобы его угнать, не предпринимал никто и никогда. Еще не родился на свет такой идиот. Да и смысла в этой затее никакого. Правительству по большому счету плевать, что произойдет с наличностью во время транспортировки. Конечно, мерами безопасности никто не пренебрегает: вооруженная охрана, маскировка грузовиков и прочие отвлекающие маневры – все это присутствует, как же иначе, – но в критический момент, если ценному грузу грозит опасность, его попросту поджигают. Судите сами: Федеральный резерв платит правительству около десяти центов за каждую отпечатанную купюру, что покрывает расходы на краску и бумагу. Если деньги сгорают, это не катастрофа. Что теряет центральный банк? Бумагу. Он попросту заказывает новый тираж. Ну а мелкие банки чуть дольше держат у себя старые купюры. Но если деньги украдены, то каждый доллар из похищенной партии несет реальную угрозу инфляции. Разумеется, в сравнении с объемом ВВП пара миллиардов – это ничто, но любой всплеск инфляции ставит под удар надежность всей финансовой системы США. И десяти часов не пройдет, а новость о грабеже разлетится по всему миру, от Бостона до Бангладеш. Мало того, слухи об удачном ограблении придадут смелости остальным бандитам. Одна оплошность – и дяде Сэму придется несладко.

И вот тут-то в игру вступает *федеральная начинка*.

По сути, это чернильная бомба, заложенная в деньгах, поступающих из Вашингтона. В пачки банкнот помещают миниатюрное, практически невидимое взрывное устройство. Оно состоит из трех элементов: пакетика несмываемых чернил, батарейки для подзарядки взрывного устройства и GPS-локатора, который выполняет функцию триггера. На время транспортировки денег в уполномоченные банки и обратно банкноты в вакуумной упаковке крепятся к электромагнитной пластине. Она служит беспроводным зарядным устройством – вроде тех,

что используют в сотовых телефонах. Когда с пластины снимают груз, батарейки спрятанных в пачках денег взрывных устройств постепенно разряжаются. Как только батарея полностью разрядится, происходит взрыв. Взрывное устройство срабатывает также при нарушении целостности целлофановой упаковки и в том случае, если GPS уловит сигнал чужого спутника.

В универсамах на дорожную одежду ставят электронные метки, не так ли? Допустим, какой-нибудь придурок захочет стащить из магазина крутую шмотку. Детектор, установленный на выходе, мгновенно поймает сигнал прикрепленного к одежде маркера. Ну, знаете, такие пластиковые кругляши? Это и есть маркеры. Система распознаёт движение неоплаченного товара и подает звуковой сигнал. Если это не остановит воришку, то его ждет еще один неприятный сюрприз – на выходе из магазина взорвется пакетик несмываемых чернил, прикрепленный к ткани одежды. Товар будет испорчен, зато и злоумышленнику уже не скрыться. Магазины охотно идут на эту меру, потому что через суд смогут возместить себе не только стоимость испорченного товара, но и моральный ущерб, не говоря уже про судебные издержки. К тому же перспектива взрыва одежды – мощное средство устрашения. В *федеральную начинку* заложен тот же принцип. Как только с пластины сняты деньги, включается таймер. Если управляющий хранилищем не просканирует груз специальным кодом доступа в течение установленного времени – обычно это несколько дней, – с деньгами можно распрощаться. Федеральная начинка – это поцелуй смерти.

Банки используют ту же технологию, разве что без GPS. Если ты собираешься грабить банк, как это не раз проделывал я, будь готов к тому, что в упаковках денег будут спрятаны чернильные бомбы. Обычно они взрываются уже через пару минут. Уделаешься несмываемыми чернилами – и будь уверен, полиции не составит труда разыскать тебя. Правда, можно перехитрить чернильные бомбы, быстро рассовав деньги по нескольким толстым пластиковым пакетам; во всяком случае, когда взорвется одна бомба, она не уничтожит всю партию. Но с деньгами ФРС этот фокус не пройдет. Их упаковки намертво сцеплены одна с другой. Представьте себе, что сломался броневик или дала сбой электромагнитная пластина. Сколько времени потребуется на ликвидацию поломки? А если поломка серьезная? Надо ведь не только перетаскать сотни миллионов долларов из одного бронированного грузовика в другой, но и оформить необходимые документы. С учетом неповоротливости системы таймер ФРС заряжен на сорок восемь часов – это и есть максимальный разумный срок, в течение которого правоохранительные силы, ориентируясь по GPS, должны поймать преступников и вернуть деньги.

Я сглотнул.

– За каким чертом казино понадобились деньги ФРС? – спросил я.

– Для оборота, – ответил Маркус. – За неделю через среднее казино проходит больше наличных, чем в полдюжине банков. Клиенты нал с собой не носят. За фишки расплачиваются карточками, а вот выигрыш предпочитают получить налом. В выходные у всех банков Атлантик-Сити вместе взятых не хватит наличности, чтобы покрыть запросы «Ридженси». В этом смысле он приравнен к банку. Может брать наличность напрямую из Федерального резерва. В «Ридженси» функционирует сто банкоматов и тридцать кассовых окон. Масштаб, как в десяти банках. И так уже два года.

– Как ты собирался нейтрализовать GPS? Генератором помех? – Свинцовый мешок. Простейший трюк.

– А как, черт возьми, ты избавишься от начинки?

– Это не твоя забота.

– Еще бы!

– Деньги предназначались для наркотрафика, – сказал Маркус. – Это ничего не объясняет.

– Таймер в деньгах установлен на сорок восемь часов. Отсчет пошел с шести утра по восточному времени. Я надеялся сбегать всю сумму до шести утра понедельника. На востоке

сейчас почти десять утра. Это означает, что в моем распоряжении всего сорок четыре часа. Если сделка сорвется, я – труп.

– И как ты планировал это сделать?

Маркус уставился на меня, как на слабоумного.

Такие ребята, как он, каждый день проворачивают что-нибудь в этом роде. У них не бывает осечек. Разумеется, Маркус рассчитывал получить хорошую прибыль. Не просто хорошую, а очень хорошую. Он нашел быстрый, легкий и выгодный способ сплавить ворованный товар. Конечно, Маркус не собирался упускать свой шанс.

– Ответь на мой вопрос, – попросил я.

– Ты не понимаешь меня, Джек, – медленно произнес Маркус. – Мы планировали пустить эти деньги в *наркотрафик*.

Молчание.

Я убрал руки со стола.

– Значит, ты не собирался обезвреживать деньги. Ты хотел впарить их какому-то лоху, который знать не знает, что его ждет, – сказал я.

В наркоторговле нет никакой премудрости. Один приносит наркотики. Другой приносит наличные. Происходит торг. Сложностей, как правило, не возникает. Лично я свою первую сделку провернул, когда мне было четырнадцать. Положил на скамейку в парке пятидолларовую купюру, дилер бросил мне на колени пакетик с марихуаной на пять долларов и ушел. Если я сделал это тогда, почему кому-нибудь не повторить то же сегодня? Детская игра.

Сделки Маркуса в принципе точно такие же. Разве что масштаб другой. С миллионом наличных в кармане Маркус и двое его ребят могут купить целую машину наркоты по оптовым ценам. Чистого ЛСД на миллион долларов можно купить столько, чтобы заполнить маленькую бутылку из-под воды. Объем героина на ту же сумму легко поместится в багажник обычного седана. Для кокаина понадобится использовать еще и заднее сиденье. Для перевозки марихуаны придется взять пикап. Продавец не станет задавать вопросов о происхождении денег в вакуумной упаковке. Просто заберет их и помашет на прощанье ручкой.

Вот и все.

Спустя тридцать часов в городе станет на одного наркодилера меньше. Когда таймер отсчитает последние секунды, поставщик Маркуса окажется обладателем десяти с чем-то тысяч бесполезных стодолларовых бумажек, а сам превратится в живой маяк для федералов. Смириться с потерей миллиона в форс-мажорных обстоятельствах дилеры уровня Маркуса еще могут, но вот выстоять в схватке с агентами спецслужб даже им вряд ли удастся. Маркус грабил казино не потому, что хотел денег. Он хотел получить оружие. Маркус не крал у казино. Нет.

Он крал у картеля.

– Ты меня разыгрываешь, – сказал я.

Маркус чуть подался вперед.

– Для тебя это всего лишь работа по зачистке. В какое дерьмо вляпался я, не имеет значения. Я плачу тебе не за ограбление. И не за то, чтобы ты вступал в разборки с казино. От тебя мне нужно одно: сделай так, чтобы Риббонс не скрылся, не дал себя поймать и доставил деньги в назначенное время. Ты – моя страховка, Джек.

– Да ты сумасшедший.

– Ты хоть представляешь, сколько народу курит мет на Севе-ро-Западе? – спросил Маркус. – Да все поголовно. Спрос гигантский. Чистый кристалл идет от шестидесяти до девяноста за грамм. Вдвое дешевле кокаина, зато оборот в пятьдесят раз больше, – и это с товаром среднего качества. И вот за этот оборот я готов бороться. Пусть я покупаю товар вдвое дороже, чем на границе, ты прикинь, какая прибыль. Речь идет о восьмизначных цифрах! Только на одной этой сделке! Тем более что мой главный конкурент парится на нарах, если вообще еще

жив... Я смогу открыть полдюжины новых лабораторий. Возьму под контроль каждую подворотню отсюда до Сан-Франциско. За полгода сто тысяч долларов, которые я заплатил Морено, обернутся индустрией стоимостью семьдесят пять миллионов. Я не шучу, когда говорю про большой куш. То, что лежит перед тобой, – малая песчинка. Этих песчинок будут горы.

Я долго смотрел на пачку денег.

– Лично мне один черт, покупаешь ты готовый мет или варишь его сам, – сказал я. – Я не занимаюсь наркотой. Ты знаешь мои правила. Я работаю по наличке и антиквариату. И никаких исключений.

– Почему ты решил, что у тебя есть выбор?

– Потому что сейчас я уйду отсюда живым, – сказал я. – И за мной по-прежнему должок.

Маркус пожевал губу и смерил меня испепеляющим взглядом:

– Мой самолет ждет тебя, чтобы доставить в Атлантик-Сити. На месте мои люди обеспечат тебя всем необходимым. Если не хочешь входить со мной в долю, просто найди деньги и позвони мне. Я сам решу, что делать дальше. Мне нужно, чтобы ты зачистил поляну, пока не истекли эти чертовы сорок восемь часов и меня не закрыли. Я не собираюсь загреметь в тюрьму из-за того, что Морено схлопотал пулю. Что потом будет с тобой, меня тоже мало волнует. Все, исчезни. Когда все сделаешь, мы в расчете. Идет?

Маркус посмотрел мне в глаза, потом перевел взгляд на стопку денег. Пальцем он подтолкнул одну из пуль; она покатилась ко мне и упала со стола.

Я сжал губы.

– Мне не нравится твое новое лицо, – сказал Маркус. – Слишком уж невинное.

Я вернул пулю на стол.

– Почему ты думаешь, что, если деньги взорвутся, тебе конец?

Какое-то время Маркус молчал. Собственно, отвечать он был не обязан. С кухни доносился неясный шум. За стойкой бара хлюпала кофеварка. Когда Маркус заговорил, его слова прозвучали сухо, как выстрел:

– У меня сделка с Волком.

5

Пасифик-Сити, Орегон

Я должен кое-что объяснить. Маркуса я презираю всем своим существом. Но он сказал правду: на мне висел долг.

Это случилось пять лет назад, в связи с так называемой Азиатской рокировкой. Чтобы обсудить предстоящую операцию, Маркус пригласил семь человек, в том числе меня, в курортный отель в Орегоне. Речь шла о краже века, на кону стояли огромные деньги, и он нуждался в отборной команде. Я занимаюсь своим ремеслом лет с четырнадцати, но подобной чести удостоился впервые. Это был единственный раз, когда я нарушил свою систему строгой анонимности. Маркус прислал мне сообщение на один из почтовых ящиков, затерянных в лабиринтах Сети, и я отправился на встречу, ничего не зная о будущей работе. Я понятия не имел о том, что меня ожидает. И приглашение принял исключительно потому, что в письме упоминалась Анджела, мой наставник. Вроде как она собиралась присутствовать на этом собрании. И действительно, подъехав к увитому плющом входу, я увидел ее. Она стояла и курила. Со дня нашей разлуки прошло, наверное, полгода. Я улыбнулся ей из окна лимузина.

Отель, разместившийся в старинном кирпичном здании, внешне напоминающем школьное, и расположенный в лесу, был небольшим, но респектабельным. Маркус снял его целиком. Номера запирались настоящими ключами, а не этими дурацкими магнитными картами, ваннные комнаты находились в холле. Настоящая старина. Выйдя из машины, я не сразу понял, обрадовало Анджелу мое появление или, наоборот, разозлило. Она взяла меня под руку и, тонко улыбаясь, повела в коридор. Анджела славилась тем, что могла уболтать любого. Никто не знал, что у нее на уме, тем более – на душе. Она была талантливой актрисой и опытной мошенницей. Пользуясь преимуществом возраста – нас разделяло около десяти лет, – она любила называть меня «малышом».

Мы молча прошли в ее номер люкс. Когда дверь за нами закрылась, Анджела пробежала пальцами по моим новым волосам и сказала, что помнит мое лицо даже после всех перевоплощений. Как-то раз, я тогда был новичком в «банковском деле», а она уже проматывала пятьсот штук, наваренных на афере с облигациями, мы с ней переспали. Это была ее ошибка, говорила она потом. Сейчас мы сидели в разных углах комнаты и просто беседовали. Было трудно привыкнуть к ее новому голосу, но пахла она по-прежнему. Табаком и маракуйей.

Вечером Маркус передал через порттье приглашение собраться всем на лужайке у костра. Он представился, назвав себя по имени. *Маркус*. Я стоял рядом с Анджелой и слушал его туманные разглагольствования. Анджела смолила одну за другой и шепотом представляла мне специалистов по банковским грабежам, указывая на каждого дымящейся сигаретой.

Молодой и хорошо одетый красавец-блондин по имени Элтон Хилл был рулевым, иными словами, отвечал за автомобиль для бегства с места преступления. Он мог управлять любой тачкой – при условии, что у нее есть колеса и двигатель. Произношение выдавало в нем уроженца Калифорнии. Он говорил скрипучим голосом, плохо сочетавшимся с его лощеной наружностью. На нем были кожаные автомобильные перчатки, протертые едва ли не до дыр. Маркуса он слушал вполуха.

Рядом с ним стоял «медвежатник» Джо Лэндис. Медвежатники не вскрывают сейфы – они их взламывают. Редкий сейф способен выдержать их натиск. Джо – коротышка с большими глазами и маленьким ртом – был уроженцем Техаса: так сказала Анджела, сам бы я ни за что не догадался. Сегодняшний медвежатник должен владеть навыками программиста и подрывника. Специалистов, умеющих подбирать комбинацию цифр на слух и работающих кончиками пальцев, почти не осталось. Это вымирающее племя. Сегодня сейфы взламывают с помощью

компьютера, волоконно-оптического кабеля, мощной дрели и самодельного нитроглицерина – так называемого супа. Медвежатники-любители часто глохнут, так и не успев освоить ремесло. Джо стоял в сторонке и старался не смотреть на остальных.

Неподалеку от меня расположилась профессиональная мошенница, китайка Сю Мей. Стены ее дома, утверждала Анджела, сплошь увешаны магистерскими дипломами, да и внешне она была вылитая ученая дама. Впрочем, красивая. Смуглая кожа, мягкие как пух черные волосы... Она свободно владела несколькими языками и не расставалась с блокнотом. У нас она исполняла функции диспетчера и переводчика.

Рядовой состав был представлен Винсентом и Манчини – если верить Анджеле, родными братьями. Они не производили впечатления настоящих профи, но от рядовых, которые зарабатывают себе на жизнь кулаками, это и не требуется. Наша пара итальяшек с маслеными мордами, в одинаковых убийственно-зеленых галстуках, прямо-таки излучала крутизну. Они стояли плечом к плечу, прямо у огня, широко расставив ноги и сложив руки на груди. Винсент говорил, Манчини слушал.

И наконец, мы с Анджелой.

Трудно подобрать слово, чтобы точно обозначить род наших занятий. Сами мы привыкли называть себя *призраками*. Мы с Анджелой были виртуозами перевоплощения. За последние годы я не менее сотни раз удачно смывался с места грабежа благодаря набору париков, фальшивых паспортов и водительских прав, а также краденых свидетельств о рождении. Но главным моим козырем оставалась самоуверенность. Человек-призрак должен двигаться, говорить и вести себя абсолютно уверенно. Пусть твое имя значится в списке особо опасных преступников, разыскиваемых ФБР, а фото валяется в каждом почтовом отделении от Бангора до Саут-Бич, если ты умеешь носить чужую личину и запасся необходимыми бумажками, можешь спокойно обитать на Парк-авеню, и никто никогда не усомнится в твоей добропорядочности. Люди видят только то, что ты позволяешь им видеть.

Мы с Анджелой – профессионалы обмана.

Она начинала актрисой в Лос-Анджелесе. И весьма в этом преуспела, правда, как легко догадаться, не на экране. Она была прирожденная актриса. Она не изображала очередной персонаж, а полностью в него перевоплощалась. Режиссеры ее за это ненавидели. Мужчинам они еще прощают талант вживаться в роль, но не молодой красивой женщине. Для каждого, с кем она знакомилась, у нее наготове был новый образ. Она могла изобразить статусную жену, а могла предстать и маленькой девочкой. Первый успех пришел к ней как к королеве промышленного шпионажа. Она с легкостью устроилась на должность помощника руководителя крупной аэрокосмической компании. Украла эскиз военного самолета, передала его фирме-конкуренту и заработала сто тысяч. Кажется, после этого она уже полностью переключилась на воровство. Ей удалось сколотить небольшое состояние. Отныне она сама сочиняла для себя роли. Каждое утро, просыпаясь, она решала, кем предстанет днем. На меня она вышла, прикинувшись агентом ФБР. Она тогда готовила ограбление картеля контрабандистов. Она чрезвычайно ловко заманила меня в свои сети. Правда, я не особенно сопротивлялся.

Она взяла меня в ученики.

Сегодня я – лучший в своем деле. Я могу взять банк и исчезнуть без следа; никто никогда не догадается, что я вообще причастен к ограблению. При желании я могу проникнуть в Конгресс. Но, каким бы талантливым лжецом и вором я ни был, до Анджелы мне далеко. Она научила меня всему, что я знаю. Сейчас я смотрел, как она бросает окурки и втаптывает его в мягкую влажную землю. Я пил бурбон и слушал ее тихий голос.

Совещание окончилось. Анджела взяла меня под руку и повела в лес, расстилавшийся за последним бунгалом. Мы долго шли, и я изо всех сил напрягал зрение. Вокруг было темно, хоть глаз выколи. Лишь луна, изредка выныривая из-за туч, бросала на землю слабый свет. Мы

углубились в лес на добрых полмили, когда Андже́ла вдруг остановилась. Она долго молчала, а потом я услышал ее настоящий голос. Таким голосом она разговаривала только со мной.

– Что ты здесь делаешь? – Она поглядела мне в глаза и покачала головой. – Что такого он наобещал, чтобы выманить тебя сюда?

– Ничего. Просто указал адрес, и все.

– Кажется, я учила тебя никогда не браться за дело, пока не получишь полную информацию. Кажется, я учила тебя никогда не доверять незнакомым, особенно если они предлагают работу. Кажется, я учила тебя быть осторожным.

– Да, помню.

– Тогда какого черта ты здесь делаешь?

Я не ответил. Мне казалось, что это очевидно. Какое-то время я смотрел на нее. Брюнетка с короткой, почти мужской, стрижкой, губы – в помаде цвета красного апельсина. На ней было платье за четыре тысячи и бриллиантовые серьги, которые за последние двести лет не примеряла ни одна женщина – Андже́ла украла их из музея. Сказать, что она была красавица, значило не сказать ничего. Она была воплощением идеальной женщины. Я так и стоял, уставившись на нее, пока она, вздохнув, снова не взяла меня под руку. Когда мы вернулись в отель, ее платье и мой костюм были запачканы грязью. Она проводила меня до номера и в коридоре пожелала спокойной ночи. Я слушал, как стихают на лестнице ее шаги. Вот так началась операция «Азиатская рокировка».

К работе мы приступили с утра.

В те времена работать на Маркуса почитали за честь. Он еще не стал заправилкой наркобизнеса, а был самым настоящим «дирижером». Он писал сценарии ограблений, как Моцарт – музыку. Они были масштабны и красивы, а деньги сулили сумасшедшие. Пять лет назад каждый мечтал влиться в его команду, потому что все, к чему он прикасался, превращалось в золото. Конечно, в работе с ним имела своя темная сторона. До меня доходили слухи о том, какая участь ожидала тех, кто его подвел. Но это были просто слухи. А тех, кому везло, я видел воочию. Они уходили от Маркуса богатыми. Очень богатыми.

Спустя два дня мы с Андже́лой вместе с другими членами нашей команды уже поднимались на борт самолета, выполнявшего чартерный рейс из Лос-Анджелеса в Куала-Лумпур, Малайзия. Самолет принадлежал Маркусу, но он с нами не полетел. Операцией он собирался руководить из Сиэтла, по спутниковому телефону. Он, словно Цезарь, восседал в кабинете собственного ресторана, но никто из нас не жаловался. Ведь с ним мы рассчитывали разбогатеть.

И именно я испортил все дело.

6

Полет до Атлантик-Сити занял пять часов.

Самолет был марки «Сессна ситейшн соверен» – двухмоторный, размером чуть больше грузовика, с дальностью полета около трех тысяч миль. Он уже был заправлен топливом и стоял наготове, поджидая меня. Никакого контроля безопасности проходить не пришлось. Охранник у ворот едва увидел лимузин Маркуса, как дал отмашку, приказывая пропустить нас на летное поле. Мы подъехали прямо к трапу, и я сразу поднялся на борт. Мы с пилотами обменялись рукопожатиями, но обошлись без формальных представлений. Время было слишком дорого. Уже через пять минут мы поднялись в воздух. Нам предстояло преодолеть две с половиной тысячи миль.

На плече у меня висела черная нейлоновая сумка. Маркус дал мне время забрать из квартиры кое-какие вещи. В сумке лежал кольт тридцать восьмого калибра с коротким курком – Маркус вернул мне его. Зубная щетка. Набор для бритья. Грим. Краска для волос. Кожаные перчатки. Несколько паспортов, водительских прав, удостоверений личности, два мобильного с предоплатой. Пять тысяч долларов от Маркуса, три черные корпоративные карты «Виза» – все на разные имена. На дне сумки – зачитанные «Метаморфозы» Овидия в переводе Чарльза Мартина. Я всегда путешествую налегке.

Предстоящий полет вызывал у меня приятное возбуждение. Давно уже я не брался за такую работу. Я очень придирчив и избирателен. Когда я не работаю, время как будто проходит мимо, словно пленка в быстрой перемотке. Сначала сливаются дни, потом недели. Я сижу у себя в квартире за письменным столом, лицом к окну, и наблюдаю за восходом солнца. Перечитываю и перевожу греческих и римских классиков, исписывая желтые страницы блокнота, иногда берусь за немецких и французских авторов. Бывают дни, когда я только и делаю, что читаю. У меня уже сотни страниц переводов. Эсхил, Цезарь, Ювенал, Ливий. Их слова помогают мне думать. Когда я не на работе, у меня не бывает собственных слов.

Вот чего я ждал все это время – работы, которая наконец-то не будет *скудной*.

Внутри «сессна» была чрезвычайно удобной. Мне еще не доводилось летать на этой модели, но по большому счету она мало чем отличалась от других частных самолетов. Нос как у хищной птицы, под хвостом два мощных двигателя. Взлет чем-то напоминал аттракцион в парке, но, как только мы набрали высоту в пять с половиной миль, полет выровнялся, а гул двигателей стал почти неслышным. В салоне было восемь кресел, плюс два для пилотов, и стоило это удовольствие около двадцати миллионов. Зато сиденья были как в первом классе. В хвостовой части салона находился полноценный бар, под потолком – плоский телевизор, настроенный на круглосуточный канал новостей, рядом с кофеваркой – спутниковый телефон. Беспроводной интернет. Когда вышел второй пилот и сказал, что можно ходить по салону, я встал и приготовил кофе. Но все равно чувствовал себя не слишком уютно. Все-таки в самолете лучше сидеть.

С кофейником в руках я вернулся на свое место, налил себе чашку кофе и выпил. Потом налил еще и открыл книгу. Я почему-то нервничал, но никак не мог понять, в чем дело.

Прошло минут двадцать, и на экране телевизора появилась заставка: *Перестрелка в «Ридженси»*. Я прибавил звук. Имена жертв не называли, но промелькнула старая фотография Морено в оливковой солдатской форме, а следом пара снимков отеля-казино и асфальта со следами пуль. Телевизионщики расположились на набережной, и по толпе зевак на заднем плане нетрудно было догадаться, в каком месте произошло нападение. Женщина-репортер сообщила, что убитых четверо, из них один налетчик. Полиция разыскивает, добавила она, двоих сбежавших преступников. Это меня насторожило. Я и так подозревал, что был третий стрелок – судя по тому, что рассказал Маркус, – и вот мои догадки подтвердились. По словам

репортера, налетчики были отлично осведомлены о системе безопасности казино. Расследование идет полным ходом.

И тут экран заполнила фотография Джерома Риббонса из полицейских архивов.

Я чуть не вылил на себя кофе. Фото сделали несколько лет назад, но это определенно был он. *Разыскивается для дачи показаний*. Имя Риббонса было набрано крупными буквами внизу экрана рядом с номером телефона, по которому следовало сообщить о его местонахождении, и репортер зачитала его полностью. И четырех часов не прошло, а они уже установили его личность. Черт!

Я нажал на «паузу» и, слегка прищурившись, вгляделся в снимок на экране. На фотографии Риббонс был года на четыре моложе, чем сейчас. Он хмуро таращился в объектив налитыми кровью глазами. Толстый, даже жирный, с каким-то мальчишеским, несмотря на жесткую щетину, лицом, он чуть сутулился, как бурый медведь, и вообще выглядел измученным. Снимок был сделан полицейским управлением Филадельфии, так что задержанного сфотографировали в его собственной, а не тюремной одежде. Многочисленные татуировки свидетельствовали о бурном прошлом. Я разглядел у него на запястье стилизованного оленя. Судя по количеству рогов, парень отсидел пять лет. Наколка под подбородком в виде пистолета выдавала принадлежность к банде. Нос был сломан, костяшки пальцев сплошь в шрамах.

Где-то я его видел. Только вот не мог вспомнить где.

Если даже Риббонс не наследил на месте преступления, они могли узнать его имя, прокатав пальчики Морено. Риббонс, видимо, был в списке его подельников. Да и нетрудно было сравнить архивное фото Риббонса с кадрами с камер наблюдения во время налета. Попробуй его не узнай – с такими-то габаритами. Плюс тюремное прошлое. Вряд ли найдется так уж много уголовников ростом шесть футов четыре дюйма с татуировкой в виде оленьих рогов. Данных достаточно, чтобы разместить фото в СМИ. К полудню уже весь мир подключится к поискам Джерома Риббонса.

Я посмотрел на часы. Еще три часа полета и вынужденного безделья. Зато потом придется пошевеливаться.

Я снова нажал кнопку просмотра и налил себе еще кофе. Репортаж почти закончился, и в следующие сорок минут никакой новой информации не передали. Я сидел и размышлял о том, что могло произойти с шести утра по восточному времени. Расследование, конечно, продвигалось стремительным темпом. Преступление, связанное с Федеральным резервом, – это головная боль для всех правоохранительных структур. Полиция мобилизовала лучших сыщиков, потому что есть убитые. Люди шерифа рыщут повсюду, потому что двое налетчиков в бегах. ФБР поставила на уши агентов на местах, ведь ограбление банка – это преступление федерального масштаба. Не исключено, что подключилась и контрразведка, потому что расследование преступлений против национальной валюты входит в ее компетенцию. Есть свои агенты и у Казначейства, и, черт бы их подрал, даже у банков Федерального резерва! В Атлантик-Сити, полагаю, уже не протолкнуться от крепких парней в дешевых костюмах.

А Риббонс по-прежнему на свободе.

Интересно, почему же он все-таки не позвонил Маркусу.

Если после провала операции исполнитель не объявляется и не звонит, значит, он *скрылся*. Исчезнуть и скрыться – это разные вещи. Исчезает команда – после того как дело сделано и никого не поймали. Когда скрывается кто-то один, это говорит о том, что он пустился в бег. Среди профессиональных налетчиков этот грех считается одним из самых страшных. Что бы ни случилось, ты не должен скрываться и уж *тем более* с добычей. Если по плану назначена встреча на арендованном складе, ты должен прийти на склад. Если в мотеле, ты едешь в мотель. Если ты откальываешься от команды, вся конструкция летит к черту, и это первый шаг к тому, что отловят всех. Если во время операции у тебя появляются сомнения в благополучном исходе, всегда есть время отступить, отказаться от участия. Если что-то тебя не устраи-

вает, просто предупреди остальных и вали домой. Но, если уж работа началась, все действуют в одной связке. Профессионалы относятся к этому серьезно. Для некоторых это дело чести. Они скорее получают пулю, но не дадут деру в самый ответственный момент. Да что там некоторые, так поступает большинство.

Возможно, что Риббонс мертв.

Или же репутация Маркуса вернулась к нему бумерангом.

Маркус славился тем, что жестоко, даже варварски расправлялся с неугодными. Конечно, это помогало держать помощников в узде, но я понимал, почему такой парень, как Риббонс, мог сорваться. Я слышал историю одного электронщика, который забыл отключить сигнализацию в банке. В результате четверка любимчиков Маркуса угодила за решетку, и каждый сел на пять лет. Маркус пришел домой к тому парню и заставил его съесть целую банку молотого мускатного ореха, ложкой запихивая ему в рот порошок. Звучит вроде бы безобидно, если не знать, что мускатный орех содержит миристицин. Если съесть чайную ложку – не страшно, но целую банку... Через несколько часов беднягу расперло. Потом появилась жуткая головная боль и ломота в мышцах, как с похмелья или после драки в баре. Еще через час участилось сердцебиение и затряслись руки. Прошло еще семь часов, и начались галлюцинации. Температура скакнула под сорок, он содрал с себя одежду и в кровь расчесал себе лицо. Мускатная эйфория может длиться дня три. Кто-то находит ее возбуждающей. Большинство считает, что она сравнима с прогулкой в ад. По одной из версий, Маркус оставил парню пистолет с единственной пулей, чтобы тот смог застрелиться. Другие говорят, что парень откусил себе язык и захлебнулся кровью.

Если Риббонс догадывался, что подобная участь ждет и его, ясно, почему он не позвонил.

7

Я выключил телевизор и какое-то время сидел в тишине, закрыв глаза и размышляя о Риббонсе. Да, нажил он себе неприятностей. Впрочем, хватит о нем. Займемся любимым делом – перевоплощением.

Для меня нет ничего проще, чем надеть чужую маску. Я отстегнул ремень безопасности и достал с верхней полки свою сумку. В боковом кармане лежали три потрепанных паспорта; под обложкой каждого хранились водительские права. Трое мужчин разных возрастов на выбор. У каждого своя внешность, своя профессия, свой стиль жизни. Ни один из них не похож на меня, но это не проблема. Ведь это не я лечу в Атлантик-Сити. Туда летит один из них.

Джек Мортон – самый старший из тройки – был моим любимым персонажем. Я слепил его со своего бывшего профессора, и он меня ни разу не подвел. Сильная и благородная личность. Когда я превращался в Джека Мортон, мой голос звучал глубже, обволакивая собеседника, как расплавленный воск, а движения становились плавными и размеренными. Это был добрый, находчивый и остроумный человек. Я выложил его паспорт на откидной столик, а два других убрал в сумку. Джек Мортон – тот, кто мне сейчас нужен.

Хотя по паспорту ему было за пятьдесят, на самом деле Джек Мортон родился всего пару лет назад. Я создавал его по кусочкам в течение полугода, пользуясь перерывом в работе. Загрузил все официальные документы в справочники и регистрационные книги. Припрятал в надежном месте свидетельство о рождении и диплом колледжа. Он окончил Университет Коннектикута в Стемфорде, где преуспел в изучении классических языков. Сейчас работал страховым следователем. Мне этот человек особенно нравился, потому что, в отличие от многих других выдуманных мною личностей, у него не было криминального прошлого. Вполне законопослушный гражданин, иногда позволявший себе действовать жестко. Я пристально вглядывался в его фотографию, пока мои мышцы не расслабились. Я даже почувствовал, как изменилось выражение моего лица, подстраиваясь под его внешность. Сердцебиение замедлилось, а руки отяжелели, словно чувствуя груз набежавших лишних лет. Не так просто за двадцать секунд постареть на двадцать лет.

Я сделал глубокий вдох, за ним – медленный выдох, и мне стало пятьдесят шесть.

Определяющим цветом в облике Мортон был коричневый. Я приступил к гримированию. Осторожно извлек из глаз яркокарие линзы и заменил их на более тусклые. Достал из косметички зеркальце для макияжа, карандашом прорисовал линии мышц, чуть проредил брови. Пальцем тщательно растушевал следы карандаша. На шею, щеки и лоб нанес немного темной тональной пудры. Через пару минут на моем лице выступили морщины и глубокие носогубные складки, старившие меня лет на двадцать.

– Меня зовут Джек Мортон, – ради тренировки чужим голосом произнес я.

Теперь – волосы. Есть сотни марок краски для волос, но я доверяю только проверенным. Для меня важны простота и быстрота. Держать краску на волосах в течение часа, а потом еще мыть голову мне некогда. Поэтому я просто намочил волосы в раковине и нанес на них расческой краску мгновенного действия, превратившую меня из очень светлого блондина в шатена. Как только голова высохла, я добавил седины, зачесал волосы назад и слегка растрепал их пальцами, чтобы прическа приобрела естественный вид. Несколькими штрихами карандаша выделил брови.

– Меня зовут Джек Мортон, – снова произнес я вслух. – Я следователь страховой компании «Харпер энд Локе». Я родился в Лексингтоне, штат Массачусетс.

В сумке у меня было припасено несколько пар очков. Я по очереди примерил их все. Тонкая металлическая оправка смотрелась вызывающе. Круглые стекла выглядели старомодными. Толстая черная оправка тоже не годилась. Зато бифокальные очки прямоугольной формы, чуть

сползающие с носа, подошли идеально. Я оглядел себя в зеркале. Вылитый профессор. Я взял зубную нить и туго обвязал левый безымянный палец у основания, перекрывая кровоток. По легенде, которую я сочинил для Мортонa, он уже больше года в разводе. Когда я снял нить, на пальце остался след от обручального кольца.

Для полноты картины надо было сменить часы. Ни один страховой следователь не носит дорожные «Патек Филипп», и, будучи человеком неглупым, я не мог рисковать: вдруг кто-нибудь узнает мои фирменные часики. Однако других у меня при себе не оказалось, к тому же к своим я был слишком привязан. Пришлось задрать ремешок чуть выше и спрятать часы под манжетой рубашки.

Мои усилия увенчались успехом. Я превратился в ничем не примечательного типа. Одного из тысяч белых американцев среднего возраста. Средним у меня было: возраст, вес, рост, доход. Единственное, что немного выбивалось из общего стиля, – это дорогой костюм и шикарные часы, но тому были оправдания. *В моем возрасте следует заботиться о внешнем виде. Это часть профессионального имиджа.*

* * *

Мы приземлились в международном аэропорту Атлантик-Сити около четырех пополудни по местному времени. Едва колеса шасси коснулись земли, я перевел стрелки «Патек Филипп» на три часа вперед. На улице стояла жара. Столбик термометра завис над отметкой в 90 градусов³ и опускаться, судя по всему, не собирался. Грузчики расхаживали по летному полю с голыми торсами, обмотав рубашками головы. Влажность добавляла духоты, и я чувствовал себя как на сковородке. Пилот дал мне номер своего телефона и просил позвонить, как только груз будет готов к отправке. Я похлопал его по спине и спустился по трапу. Асфальтовое покрытие липло к подошвам ботинок.

Первым делом следовало взять напрокат машину. Затем найти пристанище и перекусить. Но все это могло подождать. Главное – разыскать посредника.

Я достал из сумки мобильник с оплаченным роумингом и набрал номер Риббонса. Я знал, что он не выходит на связь, но, может быть, ответит на звонок? Телефонный номер у него был с кодом Виргинии. Странно, хотя... Сотовые номера можно зарегистрировать где угодно. В трубке раздались гудки. К тому времени, как включился автоответчик, я уже преодолел половину пути к агентству по прокату машин. Заговорил механический голос. Вы позвонили по такому-то номеру. Пожалуйста, оставьте сообщение после сигнала.

Я дождался сигнала.

– Срочно позвони домой, – произнес я в трубку. – Отец не сердится, он просто хочет услышать твой голос.

Я нажал отбой и взглянул на экран. Телефон Риббонса остался в памяти аппарата, навечно сохраненный на симке. Я извлек батарею и уничтожил сим-карту. Сам аппарат выбросил в урну. В кармане пиджака у меня лежал еще один телефон. Последний.

Внизу у эскалатора меня поджидал агент ФБР.

³ По шкале Фаренгейта. Соответствует примерно 32 градусам по шкале Цельсия.

8

Я не бегаю от федералов. Я бегаю от копов, потому что от них удрать можно. Но бегать от федерального агента – примерно то же, что прятаться в лабиринте. Затянешь агонию, но рано или поздно все равно попадешь в лапы Минотавру. Федералы не охотятся вслепую. Их интересует конкретный персонаж, так что лучше заранее позаботиться о том, чтобы искали не тебя.

Но, если уж такое произошло, единственный выход – сохранять спокойствие и тянуть время. Я не стал ни ускорять, ни замедлять шаг. Облокотился о поручень эскалатора и спокойно ждал, пока доеду до нее.

Я сразу понял, кто она такая – по складкам на костюме и характерным образом стоптанным подошвам легких кожаных балеток. Кожа цвета кофе с молоком, фигура стройная, но не тощая, со всеми положенными выпуклостями и изгибами. На вид – умница, хотя, пожалуй, слишком суровая. Я почему-то подумал, что в прошлом она пловчиха. Недлинные, до плеч, темные волосы собраны в хвост.

Она шагнула ко мне и раскрыла удостоверение в кожаной обложке. Я увидел знакомую эмблему с золотым щитом и орлом и надписью «*Федеральное бюро расследований*».

– Вы – пассажир с «сессны»? – спросила она.

– Да, – ответил я.

– Могу я поговорить с вами?

– О чем?

– Вам знаком человек по имени Маркус Хейс?

Я не ответил. Не ответил сразу. Я мог бы тотчас избавиться от дальнейших расспросов, не будь она так чертовски хороша.

– Прошу прощения, – сказал я. – Вы, должно быть, приняли меня за кого-то другого. Среди моих знакомых нет человека с таким именем.

– Вы только что сошли с трапа его самолета. Я уверена, что вы с ним знакомы.

– Я хотел бы еще раз взглянуть на ваше удостоверение.

– Хорошо, только сначала покажите мне свои документы.

Я на мгновение задумался. Вот для таких случаев люди и обзаводятся фальшивыми водительскими правами. В агентствах по прокату автомобилей на них вообще не смотрят, а обычным полицейским не хватает квалификации, чтобы отличить настоящие от поддельных, тем более что в каждом штате своя система защиты документов. Но Джек Мортон был чист. Раз уж я вступил в игру, то предъявить водительское удостоверение было не опаснее, чем уклониться от этого. Конечно, я имел полное право развернуть и уйти, ничего не объясняя, но к чему мне лишние подозрения?

Я достал из бумажника водительские права. Она посмотрела на фото, потом перевела взгляд на меня. Идеальное сходство. Разумеется, никто не мешал ей предположить, что фотография сделана сегодня. Но если она и догадалась, что перед ней фальшивка, то виду не подавала.

Вернув мне документ, она, как мы и договаривались, протянула мне свое удостоверение – тонкую кожаную книжечку с золотым гербом и личной карточкой агента на развороте. *Ребекка Линн Блекер*. Пять футов шесть дюймов, светлые глаза, смуглая кожа, чуть за тридцать. Я достал из прозрачного окошка карточку и потер между пальцев. Похоже, подлинная.

Я поднял взгляд.

– Все в порядке, – сказал я.

Она забрала у меня удостоверение.

– Мистер Мортон, вы прибыли из Сиэтла?

– Да.

– Вы слышали об утреннем ограблении броневедомобиля? – В полете видел репортаж по телевизору.

– А я вот не видела. Мне позвонили. Вообще-то я в отпуске. Уехала на две недели на Кейп-Мэй. Сегодня проснулась, только собралась на пробежку по пляжу, а тут звонок из Трен-тонского отделения. Потом еще один, из полиции Атлантик-Сити. Я села в машину – ни кофе, ни душа – и помчалась сюда. Добиралась три часа. Вы не поверите, какие пробки. Честно говоря, надеялась, что к моему приезду полиция успеет во всем разобраться. Зря надеялась. Двое грабителей в бегах, и ни одной зацепки. Пришлось засесть за телефон. И знаете, что я выяснила? Вскоре после того, как здесь разразилась бойня, наш агент из Сиэтла сфотографировал знаменитого «дирижера» во время встречи с неизвестным мужчиной. А еще час спустя его «сессна» берет курс на Атлантик-Сити. Аэропорт здесь небольшой, Джек. Не каждый день он принимает такие самолеты.

– Неизвестный мужчина?

– Да, ростом шесть футов, европейской внешности, лет тридцати пяти, блондин, каре-глазый.

– Ну, это точно не я, как вы сами можете убедиться.

– Я спрашивала вас про Маркуса Хейса.

– Судя по всему, он любит риск.

Она покачала головой. На ее губах заиграла полуулыбка.

– Что привело вас сюда, мистер Мортон?

– Я тоже в отпуске.

– Вы приехали по поручению Маркуса. С заданием замести следы.

– Я здесь по своим делам, – ответил я.

– Послушайте, я все понимаю, – сказала она. – Маркус приказывает, вы исполняете. Я читала его досье. Вымогательство, убийства, наркотики, ограбления банков в десятке стран. Если бы мне отдал приказ такой человек, я бы решила, что у меня действительно нет выбора. Или исполнить приказ – или сесть в тюрьму. Но знаете, что я вам скажу? Самых лучших результатов я добиваюсь тогда, когда мне удастся оседлать своего конька. А это дело – явно мой конек. Так что на вашем месте я бы держалась от него в стороне. Я, знаете ли, очень хороший профессионал.

Она протянула мне визитную карточку с несколькими незнакомыми именами. Третьим в списке стояло ее.

– Если захотите выйти из игры, – сказала она, – позвоните мне.

9

Человек, присланный Маркусом, стоял на выходе из зоны прилета и держал в руках табличку со словом «Джсек». Молодой темнокожий парень с прилизанными волосами, в очень дорогом костюме. Я мог бы принять его за водителя лимузина, если бы не очки в золотой оправе и немного нервное выражение лица. Он даже не видел, как я подошел, пока я не приблизился к нему почти вплотную.

– Я тот, кого вы ждете, – сказал я.

Мы обменялись рукопожатиями, и он зашагал со мной в ногу. Голос у него был мягкий, как шелк.

– Рад знакомству, сэр, – сказал он.

– Кто вы?

– Я здесь, чтобы оказать вам всю необходимую помощь.

– Хорошо.

– Вы когда-нибудь пользовались нашей службой?

– Нет.

– Мы предоставляем самый полный спектр услуг. Главное для нас – конфиденциальность. Все ваши просьбы останутся анонимными. Свидетельства наших взаимоотношений будут уничтожены, как только вы оплатите счет. Мы не храним сведений о наших клиентах и не задаем им вопросов.

– Значит, я могу обращаться к вам с любой проблемой?

– Да, сэр. Ваш работодатель звонил сегодня и предупредил, что вы предпочитаете не называть своего имени.

– Хорошо. Могу я узнать ваше?

– Александр Лейкс.

– Это ведь не настоящее имя?

– Вы правы, сэр, не настоящее. Как мне следует обращаться к вам?

– «Сэр» вполне подойдет.

– Да, сэр.

– Или Улисс.

– Первый раз слышу такой псевдоним.

– У меня слабость к этому персонажу.

– Это персонаж?

– Гомера. И Джеймса Джойса. Вы читаете?

– Газеты.

Мы вышли из зоны прилета и направились к агентству проката автомобилей. Я знал, что Александр готов подвезти меня куда угодно, но мне были необходимы собственные колеса. Я нажал кнопку звонка на стойке. К нам вышла девушка с пачкой бумаг, и я жестом указал на Александра. Он взглянул на меня, предъявил ей свое водительское удостоверение и заполнил нужные формы. Он был левшой и буквы выводил так старательно, будто выполнял сложную хирургическую операцию. Почерк у него был ровный и четкий, как в прописях. Он заплатил за три дня проката золотой кредиткой. В бумажнике у него я заметил две потерянные детские фотографии.

Когда мы шли к парковке, он сказал:

– Мы взяли на себя смелость заказать вам номер в «Челси». Мы знаем тамошний персонал. Ваше имя, как бы вы ни назвались, не попадет в регистрационные книги, и следов вашего пребывания не останется. Все расходы будут отнесены на наш счет. В отеле вы зарегистрированы как Александр Лейкс.

– Когда мне следует рассчитаться с вами?

– Позвоните накануне отъезда, и мы организуем встречу. Если это невозможно, я могу устроить электронный перевод непосредственно от вашего работодателя.

– Вы принимаете карты «Виза»?

– Только наличные или через электронный кошелек.

– Хорошо.

Мы подождали, пока подгонят голубую «Хонду-Сивик», выпущенную года два назад, с привинченным над приборной доской навигатором. Из машины выскочил паренек и передал мне ключи.

– Я готов оплатить аренду любой машины на этой стоянке, сэр, – сказал Александр.

– Сойдет и эта.

Когда-то меня коробило от езды на автомобилях эконом-класса, но сейчас складывалась особая ситуация. Дорогие машины бросаются в глаза, а мне это ни к чему. Когда арендуешь машину для работы, нужно что-нибудь незаметное, учила меня Анджела. А разве есть на свете что-то более безликое, чем «Хон-да-Сивик»? Ее назойливо рекламируют как оригинальную молодежную машину, но это вранье. Они не просто дешевые, но и абсолютно одинаковые. Моделей десятки, а попробуй отличи их одну от другой. Но со временем я проникся к этой машине добрыми чувствами. У «сивик» нет ни примочек, ни наворотов, ни вызывающей раскраски. Дешевый импортный автомобиль, скромный и незатейливый.

Я обернулся к Александру:

– Вы приехали сюда на машине?

– Да, сэр.

– Тогда возвращайтесь назад. Мне срочно понадобится кое-какое оборудование. Сотовые телефоны с предоплатой, слесарный инструмент, нож, смена одежды и слим-джим. Вы знаете, что такое слим-джим? Я не имею в виду марку мясных снеков.

– Инструмент для взлома машин?

– Большинство предпочитает называть его «ключом от всех дверей».

– Дайте мне час. Все необходимое будет доставлено к вам в отель.

– У вас телефон при себе?

– Да, сэр.

– Дайте мне.

Он выудил из кармана брюк черный смартфон. Это была одна из последних моделей с сенсорным экраном, без всяких кнопок. Я быстро просмотрел список последних набранных номеров, не нашел ничего подозрительного и сунул телефон к себе в карман.

Лейкс опешил.

– Кажется, вы только что забрали мой телефон? – спросил он.

– В знак того, что вы мне доверяете.

– И?

– И мне нужен телефон с местным номером.

– Тогда вам придется пользоваться служебной линией.

Он сунул мне под нос визитку с названием компании и телефоном. «Оперативная консьерж-служба». Я запомнил номер.

– Нет, спасибо, – сказал я.

Я сел в машину и захлопнул дверь. Александр Лейкс постоял какое-то время, потом вернулся и пошел обратно к терминалу. Я видел, как он выруливает из-за угла на своем черном «мерседесе». Это была новая модель с тонированными стеклами. Я поехал за ним по шоссе в сторону центра, но по пути свернул к морю. За рулем я думал. Александр был идеальным исполнителем. Он повторял слова своего работодателя, только изъяснялся более четко и доходчиво. Между тем время шло.

Оставалось тридцать семь часов.

10

Я ехал по старому двухполосному шоссе, что тянется через солончаки, петляя по берегам залива Абсекон, прорезавшего побережье сетью водных артерий. Дорога в Атлантик-Сити чем-то похожа на дорогу в Лас-Вегас. По обеим сторонам всегда пустынного шоссе стоят потрепанные билборды с рекламой казино, которые я помню еще с детства. Солончаки – это плоская, горячая и безжизненная земля. На целые мили кругом – никакой растительности, кроме щетинистых колючек. Башни казино мерцали на горизонте, словно мираж. «Хонда» двигалась уверенно и слушалась руля.

Я проскочил мимо рекламного щита *«Атлантик Ридженси: Познай другой мир»*.

Чем ближе к городу, тем сильнее в воздухе пахло солью. Я включил кондиционер на полную мощность и отдался на волю навигатора. Во время встречи в «Пяти звездах» Маркус упоминал о складской камере хранения, расположенной на севере города. *Позвони мне и пережди там*. Если склад действительно существует, он должен стать моей первой остановкой. Надо дать Риббонсу шанс. Если человек не позвонил после ограбления, это не значит, что он исчез с концами. Бывают разумные объяснения любым поступкам, и не следует торопиться с обвинениями в предательстве. Случается, что садится телефон. Пропадают номера, по которым нужно звонить. Человек может оказаться вне зоны действия сети. Конечно, при тщательно спланированной операции все это маловероятно, но исключать нельзя ничего. Предположим, телефон Риббонса разбился во время перестрелки, или, поддавшись панике, он его выбросил; вполне возможно, ему все-таки удалось пробраться на склад. Тогда сейчас он сидит там и надеется, что Маркус пришлет кого-нибудь вроде меня, а не молодчика с банкой мускатного ореха и плоскогубцами. Я должен дать ему шанс реабилитироваться и доказать свою невиновность. По крайней мере, пока мне не известны подробности дела.

Здание склада я заметил за полмили, когда оно возникло точкой на горизонте. Хранилище располагалось в полузаброшенной зоне между городскими окраинами и солончаковыми пустошами, отделявшими город от материка, и, похоже, пользовалось спросом. Складские модули представляли собой старые грузовые контейнеры, стоящие прямо на земле и окруженные высоким забором, увитым колючей проволокой. На замусоренной парковке притулился сборный домик управляющего. Над крышей вращалась вывеска. Я припарковал машину и вышел. Меня обдало влажным жаром, словно рядом работал паровой котел. В нос ударил тошнотворный запах стоячей воды и ржавого железа. Рубашка мгновенно промокла от пота.

Такие «кладовки» для частных лиц идеально подходят профессиональным грабителям. Разумеется, администрация может обнаружить, что в контейнерах кто-то ночует, но временного пристанища лучше еще не придумали. За сотню баксов ты на месяц получаешь в свое распоряжение сотню квадратных футов полезной площади. И, пока платишь аренду, храни на ней все что хочешь. Чаще всего от арендатора требуют предъявить водительское удостоверение и подписать бумагу с обязательством не использовать контейнер в противозаконных целях, но, собственно, на этом вмешательство владельца и заканчивается. Если нужно где-то перекантоваться, частные склады даже лучше мотелей. Сквозь дырки в заборе я осмотрел ряды ржавых контейнеров. Мне сразу стало ясно, что Риббонса здесь нет. Стоит твоей физиономии мелькнуть на телеэкранах, и твое самоощущение резко меняется. В памяти вдруг всплывает, что пару месяцев назад, когда ты подписывал бумаги на аренду, скучающий паренек в конторе успел тебя рассмотреть, следовательно, может теперь опознать. Нет, Риббонс не рискнул бы здесь прятаться. В настоящий момент его поступками руководит паранойя.

Но кладовка у него здесь определенно была.

И в нее стоило заглянуть.

Решив, что без общения с управляющим легко обойдусь, я направился напрямик к воротам, запертым на стандартный электронный замок. Насколько я помнил, код состоял из четырех цифр. Я попытал счастья с комбинациями «1111» и «4444» – вдруг заводской шифр не поменяли. Ни то ни другое не подошло. Я задрал голову. Перспектива карабкаться вверх и в буквальном смысле прорываться сквозь кольца проволоки с бритвенными лезвиями меня совсем не привлекала. Поразмыслив, я вернулся к замку.

Вынул из кармана ключ от машины, снял его с брелока прокатной конторы и внимательно осмотрел. Самый что ни на есть стандартный ключ. Если держать его, прикрывая, он вполне может сойти за ключ от какой угодно двери. Я вернулся к машине и достал из бардачка соглашение об аренде. Ногтем снял с пачки бумаг скрепку, сунул ее в карман, а документ вернул на место. И направился в контору управляющего.

Если ты собираешься уговорить кого-то впустить тебя в охраняемую зону, ты должен выглядеть солидно и внушать доверие. Скажем, если хочешь получить доступ к номерному счету в швейцарском банке, лучше всего прийти с золотой пластинкой весом в унцию, играющей роль пропуска. Не важно, что у тебя в руках будет покрытый золотой краской кусок свинца, главное, чтобы он выглядел похожим на золото. Так же и здесь. Если я намерен убедить хозяина открыть мне ворота, надо держаться так, как будто ключ от контейнера лежит у меня в кармане. Воспользуюсь я им или нет, он не увидит, но никаких сомнений в том, что такой ключ у меня имеется, у него возникнуть не должно. Иногда достаточно пустяка, чтобы выстроить убедительный образ, способный обмануть кого угодно.

В конторе я застал смуглого паренька в замызганной спецовке, на вид лет восемнадцати. Он сидел за стойкой и смотрел телевизор. Подниматься мне навстречу и не подумал.

– У вас замок на воротах не работает, – сказал я.

Паренек и головы не повернул.

– Цифры правильно набирали?

– Да, – сказал я, вкладывая в интонацию легкое раздражение. – Какие ворота? – Центральные.

– Попробуйте еще раз. Я сегодня утром открывал, все было нормально.

– Говорю тебе, я только оттуда. Замок не открывается.

Мальчишка вздохнул и посмотрел на меня. Конечно, он меня не узнал. Впрочем, не думаю, что он в принципе привык приглядываться к своим клиентам. Он сделал мне знак следовать за ним и вышел из-за стойки, всем видом демонстрируя недовольство. Мы подошли к воротам, и я, нервно жестикулируя, ткнул ключом в электронный замок. Парень медленно, словно имел дело с дебилом, начал набирать цифры кода, четко называя каждую вслух, – на случай, если моих умственных способностей недостаточно для восприятия столь сложной информации. Раздалось жужжание, затем щелчок, и замок открылся. Я изумленно округлил глаза, после чего изобразил на лице крайнюю степень смущения. Я настолько вжился в образ, что у меня покраснели щеки.

– Запомнили код? – спросил он.

Я продемонстрировал зажатый в кулаке ключ от автомобиля.

– Запишите его где-нибудь, хорошо? Чтобы не забыть.

Когда он исчез, я прошел в ворота, убрал ключ в карман и двинулся вдоль ряда контейнеров. Вот и нужный, под размашисто нанесенным номером 21. Контейнер Морено. Счастливое «двадцать одно». На двери висел двухцилиндровый замок «Медeko», возможно, представленный владельцем склада. Дополнительной защитой служила цепь.

Риббонса не было. Нетронутый замок говорил о том, что здесь он, скорее всего, не появлялся. Насколько мне было известно, Морено с Риббонсом вообще не собирались засиживаться на этой точке.

Я достал из кармана скрепку и разогнул ее. Получилась простейшая отмычка. Потом снял с галстука булавку, намереваясь использовать ее в качестве гаечного ключа. Я прижался к двери и загнал скрепку в замочную скважину. Работать на такой жаре, да еще без нормального инструмента, было нелегко – я провозился целых две минуты. Концом скрепки я шевелил в замке, нащупывая штыри, и по очереди поднимал их, аккуратно поворачивая булавку. Наконец дужка поддалась.

В кладовке веяло запустением. Судя по внешнему виду замка, сюда давно никто не навещался. По крайней мере, последнюю неделю. Что я мог здесь найти? Бесполезное старье? И все-таки пошарить стоило. Риббонс должен был где-то скрываться, и в его поисках пригодилась бы любая мелочь.

Я обеими руками взялся за двери контейнера и потянул их на себя. Раздался противный звук, подобный скрежету ножа по стеклу. Меня обдало вырвавшимся наружу горячим воздухом. Я выждал несколько секунд, привыкая к темноте и едкому запаху ржавчины и затхлости.

В контейнере было пусто.

Почти пусто.

Интермодальные грузовые контейнеры различаются размерами, и используют их в зависимости от характера перевозимого груза. Они измеряются в условных единицах – так называемых двадцатифутовых эквивалентах (TEU) вместимостью тридцать девять кубометров. Самые распространенные – это контейнеры 2 TEU, вместимостью около семидесяти восьми кубометров, сорока футов в длину, восьми с половиной в высоту и восьми в ширину. В годы Второй мировой войны в них перевозили огромное количество грузов – на кораблях, в поездах и грузовиках. Они считаются универсальной тарой. Тот, в котором сейчас находился я, был совершенно пуст. Ни запасного автомобиля. Ни брошенного оборудования. Ни развешанных по стенам схем, ни спальных мешков, ни карт со стрелками передвижения. Я дважды осмотрел помещение, пытаясь найти хоть какие-то признаки недавнего пребывания здесь человека, но безуспешно.

В этих семидесяти восьми кубометрах пространства не было ничего, кроме валявшегося у левой стены маленького рюкзака.

Я еще раз огляделся. Слева, справа. Ничего. Никого.

У меня мелькнула мысль, что в рюкзаке лежит что-нибудь опасное – скажем, использованные шприцы или капкан, который Морено с Риббонсом установили на всякий случай. А может, там деньги? Нет, я не из тех, кому так везет. И я далеко не дурак.

Я развязал рюкзак.

Никаких шприцев. Никаких капканов.

В нем хранилось нечто совсем другое.

1

Пистолет.

И не просто пистолет. В этом чертовом рюкзаке лежал пистолет-пулемет «узи» с металлической мушкой и укороченным складным прикладом. Дуло не пахло порохом, да и ствол блестел как снаружи, так и внутри. Из пистолета давно не стреляли, если вообще стреляли когда-нибудь. Полностью собранный, он оставался в пластмассовом заводском футляре. Здесь же обнаружились три запасных магазина и коробка с дешевыми патронами. Под ними – пачка двадцатидолларовых банкнот, пакет с кучей таблеток, сотовый телефон, пара брошюр и зажигалка. Я обшарил дно и боковые карманы, но больше ничего не нашел.

Снаряжение беглеца.

Обычная мера предосторожности в криминальном мире. У меня самого немало таких рюкзаков припрятано по всему свету. В чрезвычайных обстоятельствах этот минимальный набор способен сослужить хорошую службу. Заранее подыскиваешь укромное местечко, где переждать бурю, и оставляешь там самое необходимое. Если вдруг запахнет жареным, у тебя всегда под рукой то, что понадобится в первую очередь. «Пожарное» снаряжение должно быть не громоздким и всегда находиться под рукой. Так, на крыше моего дома в западной части Манхэттена похожий рюкзачок висит на проволоке в старой трубе, идущей от камина, замурованного десятки лет назад. В рюкзаке десять тысяч долларов, несколько кредиток, чистый паспорт и «беретта». В том рюкзаке, что я сейчас держал в руках, денег было раз в пять меньше, зато оружие по убойной силе вдвое превосходило мое. Я уже не говорю про «колеса», идентифицировать которые мне не удалось. Запасного комплекта одежды не имелось.

Я вытащил оружие и опустил его на пол. Это была старая модель «микроузи», вероятно оставшаяся после вооруженного нападения, с девятимиллиметровыми патронами парабеллум, импортными из России. Я положил коробку поверх пистолета. Бегло пролистал пачку потертых, пересохших и хрустких от жары купюр. Все банкноты были выпущены несколько лет назад. Одну из них я проверил на ощупь. Бумажки, которые производят впечатление таких старых, нередко оказываются поддельными – без водяных знаков и защитной полосы. Казначейство часто меняет дизайн банкнот. Фальшивомонетчики стараются от него не отставать, но на разработку новых подделок уходит несколько лет. За это время внешний вид купюр успевает снова измениться. Главным отличием настоящих денег от фальшивых является качество бумаги. Первые печатают на особой бумаге, состоящей из хлопковых и льняных нитей, которую производит единственная фабрика в Западном Массачусетсе. Именно благодаря этому составу банкноты приобретают особую текстуру и прочность; строго говоря, материал, на котором их печатают, и бумагой-то не назовешь. Фальшивки – другое дело. Я несколько раз потер банкноту и сравнил ее со своей, из бумажника. Я, конечно, не эксперт, но на ощупь она казалась настоящей, как бы подозрительно ни выглядела.

Я чиркнул зажигалкой и поджег купюру. Вспыхнуло оранжевое пламя, край схватился и почернел. Только настоящие деньги горят оранжевым пламенем. Подделки, напечатанные на обычной бумаге, горят ярко-красным. Я затушил купюру и положил пачку денег – как выяснилось, настоящих! – рядом с боеприпасами.

Потом достал брошюры. Цветной рекламный буклет крупного агентства по продаже недвижимости растрепался от частого просмотра. В другой брошюрке я нашел фотографии особняков в викторианском стиле – так себе, ничего особенного. Между страниц завалился чек на тридцать долларов с автозаправки в Вентноре, но дата стерлась. Я задумчиво оглядел брошюры и вернул их на место. Никакой полезной информации.

Открыв пакет с таблетками, я наклонился и несколько раз глубоко вдохнул. Пахло фабричными лекарствами, но какими именно, я бы не взялся определить. Многие лекарства, даже

нелегальные, производятся на крупных предприятиях. В Южной Америке работают целые промышленные комплексы, на которых прессуют поддельный оксиконтин. Но в данном случае это был точно не оксиконтин. От таблеток в пакете исходил легкий больничный запах, наводивший на мысли о старательно надраенных полах стерильной палаты. Наркота? Типа метамфетамина? С тем же успехом таблетки могли оказаться аспирином. Насколько я знал, один из этих парней страдал жестокими мигренями.

Наконец я добрался до сотового телефона. Он представлял собой аппарат популярного как минимум несколько лет назад дизайна. Я нажал зеленую кнопку, и телефон включился, из чего я сделал вывод, что он полностью заряжен. Логотип на экране сменился заставкой, и я примерно минуту искал в памяти сохраненные номера. Записная книжка была пуста. Я заглянул в журнал последних вызовов. Сегодня утром поступило несколько пропущенных звонков с неизвестного номера, но в голосовой почте ни одного сообщения не сохранилось. Единственный исходящий вызов был сделан неделю назад. На номер с нью-йоркским кодом.

Я сложил вещи обратно в рюкзак, достал телефон, который мне дал Александр, включил его и набрал номер Маркуса.

Трубку сняли после первого же звонка.

– «Пять звезд».

– Мне необходимо поговорить с ним.

– Прошу прощения?

– Скажи, чтобы подошел к телефону, или я еду в казино.

– Минуту.

Я закрыл за собой дверь. Если никто не придет за рюкзаком, валяться ему здесь до окончания срока аренды. Может, месяца три. Мне было интересно, что произойдет потом. Полиция постоянно находит тайники с оружием, но редко натывается на них случайно. Я представил себе картину: контейнер, обнесенный желтой полицейской лентой, парни в черной форме, снующие вокруг с недоумением на лицах. Я подумал, не взять ли с собой наличные, но решил, что это не та сумма, ради которой стоит мараться. У рюкзака явно был хозяин. Морено или Риббонс. Если только не Маркус, учитывая, что за барахло платил он. Еще оставался шанс, что Риббонс объявится, хотя надежда на это таяла с каждой минутой. Но если он все-таки доберется до склада, я бы предпочел, чтобы он нашел свой телефон.

В следующее мгновение в трубке раздался голос Маркуса:

– Что там?

– Я в Атлантик-Сити. Риббонс на складе не появлялся. Здесь уже несколько дней никого не было. На замке слой пыли.

– Значит, пропал. Но он мог нарочно не соваться на склад. Знал, где его будут искать в первую очередь.

– Понимаю. Только тут кое-что странное. Рюкзак для бегства всего один.

– И?

– Парней было двое. Вряд ли они собирались бежать с одним рюкзаком на двоих. Никто так не делает.

– А где второй?

– Это я у тебя хотел спросить, – сказал я.

– Откуда мне знать? – проворчал Маркус. – Никто *никому* не докладывает, что держит у себя в рюкзаке, тем более – «дирижеру». Тебе ли не знать?

– Мне придется двигаться в обратном направлении. Ты рассказал, чем должна была закончиться операция, но не говорил, с чего она должна была начаться. Если бы все пошло по плану, они отсиделись бы в этом контейнере, пока не утихнет шумиха. Я хочу знать, в чем состоял исходный план. Риббонс должен был избавиться от оружия и переодеться, так? А что

с машиной? По идее, от нее ведь он тоже должен был избавиться. Скажем, бросить хотя бы за несколько кварталов. В новостях передали описание машины, но не сказали, что она *найдена*.

– Да, они собирались бросить машину. И не просто бросить, а поджечь. По идее, сейчас вместо нее должна остаться груда обгорелого железа.

– Хорошо, а что потом? Неужели они планировали угнать чужую тачку? Зная, что у них на хвосте висит свора полицейских? Я хочу, чтобы ты подробно рассказал мне, как они намеревались скрыться с места ограбления.

– Это единственная часть операции, которую лично я не планировал. За отход отвечал Морено. Он был рулевым.

– В таком случае я хочу знать все, что известно тебе.

– Предполагалось, что в операции будут участвовать две машины. Морено бросает первую и пересаживается во вторую – угнанную заранее и спрятанную в условленном месте. Они поджигают первую и едут на второй на тот самый склад, где сейчас стоишь ты. Детали отхода я оставил на их усмотрение.

– Они говорили, где собираются бросить первую машину? – Вроде бы у них на примете был пустующий ангар кварталах в десяти от казино, рядом с заброшенным аэродромом. Если бы они загнали машину в этот ангар, она горела бы там несколько часов. И никакая полиция ее так быстро не нашла бы.

– Ладно, – сказал я. – С этим я разберусь.

Я нажал отбой и свободной рукой извлек батарею. Каблуком раздавил аппарат и отшвырнул его в сторону. Вышел через ворота, вернулся к своей машине, сел за руль и уехал. Влажность понемногу отступала, и полуденные лучи солнца, отражаясь от кристаллов соли, роняли блики на лобовые стекла встречных автомобилей. Я выбрался на шоссе. В голове у меня постепенно вырисовывалась стратегия поисков. Надо шаг за шагом повторить предполагаемый маршрут отхода Морено и Риббонса. Если мне удастся восстановить картину поспешного бегства Риббонса, есть шанс, что я найду его живым.

Я посмотрел на часы. У меня в распоряжении полтора суток. Тридцать шесть часов.

12

На горизонте показался отель-казино «Атлантик Ридженси». Он гигантским стеклянным обелиском возвышался над дорогой – не заметить его было невозможно. Двадцатипятиэтажное здание с радиобашней, приютившее одно из самых больших казино в стране, выделялось даже на фоне высокорослых соседей. Триумф современной инженерной мысли, подумалось мне. Башня очертаниями напоминала белого коня на шахматной доске. Еще недавно здесь, на побережье, располагался обычный гостиничный комплекс. Но как все изменилось! Строители работали день и ночь и за каких-нибудь два года возвели этого монстра стоимостью в миллиард долларов. Вывеска отеля была видна за много миль.

Насколько я недолюбливаю людей, настолько же ценю архитектуру. Люди мне не интересны. Зато грамотно спроектированное здание таит в себе массу секретов. Вспомните стены Трои. Ни одна армия не могла взять их штурмом, но простейший трюк с деревянным конем, набитым воинами, свел к нулю всю надежную систему безопасности.

Чем ближе, тем сильнее ощущалось дыхание океана. Я подъехал к казино сзади, со стороны променада Бордуок, и сделал круг, прикидывая, где бы припарковаться. Миновал место, где произошла перестрелка. Участок оцепили полицейской лентой, и все близлежащие кварталы были забиты машинами телекомпаний. Их съемочные группы, судя по всему, надолго встали здесь лагерем. В тени фургонов сидели на складных стульях операторы в темных очках с банками газировки в руках. Вокруг толпился народ. Ажиотаж, наблюдавшийся в утренних выпусках новостей, на жаре слегка поутих, но у ленты оцепления по-прежнему околачивались толпы зевак. Офицер полиции призывал прохожих не задерживаться. На вывеске «Ридженси» так и болталась сбитая буква *P*; асфальт был расчерчен следами пуль. К завтрашнему утру, когда полиция разрешит казино возобновить работу, их, скорее всего, заровняют, но пока площадка перед отелем отчетливо напоминала поле битвы. Правда, трупы уже увезли.

Мне удалось припарковать машину в паре кварталов от отеля, к которому я вернулся пешком. Я хотел своими глазами посмотреть, где работали Риббонс и Морено, чтобы понять, как они собирались отходить. Надо пройти там, где шли они, увидеть то, что видели они. Тогда, возможно, меня посетят те же мысли, что посещали их. Я проскользнул мимо телевизионщиков и нырнул под желтую ленту. Коп, дежуривший возле оцепления, вскинул на меня голову. Я полез в нагрудный карман, достал бумажник и небрежно помахал им. Бумажник не имел ничего общего с удостоверением агента ФБР, но в моей работе главное – самоуверенность. Веди себя как лицо, облеченное властью, и окружающие будут воспринимать тебя именно в этом качестве.

Он махнул рукой в ответ, пропуская меня за ограждение.

Двери казино под вывеской «Ридженси» были заперты и затянуты пластиковой пленкой. Народу – никого, что само по себе было странно. После преступления обычно наступает затишье, но не настолько же. Все автомобили эвакуировали, пятна крови смыли шлангом. Я словно попал в город-призрак. Паркинг представлял собой открытую бетонную конструкцию в десять этажей – ставь машину где хочешь, хоть на крыше. Вокруг места, на котором раньше стояла снесенная будка кассы, тоже была натянута лента. Я уже понял, что первоначальный план налетчиков полностью провалился, иначе Риббонсу не пришлось бы палить из автомата. Все пошло не так, как предполагал Маркус. Ограбление обернулось бойней.

Морено с охотничьим ружьем стоял сзади. Я понял, где точно он прятался. Интенсивность движения в шесть утра – если оно вообще было – минимальная. Риббонс готовился к нападению. Морено должен был тихо снять охрану, но не сумел, свидетельством чему – дырки от пуль на тротуаре. Очевидно, один из инкассаторов еще был жив, когда Риббонс открыл огонь, – другой причины для пальбы просто не существовало. Я обнаружил, где именно

Риббонс прикончил этого парня. Тупо, автоматной очередью. Кровь смыли, но автоматная очередь снесла часть асфальтового покрытия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.